

Софья
ЯСЕНЕВА

A promotional poster featuring a man with a beard and a woman holding a bouquet of red roses. The man is in the foreground, looking intensely at the camera. The woman is behind him, looking slightly to the side. The background shows a modern building with red and white architectural elements.

РАЗВОД
В плюсе останусь я

Софа Ясенева

Развод. В плюсе останусь я

«Литнет»

2025

Ясенева С.

Развод. В плюсе останусь я / С. Ясенева — «Литнет», 2025

— М-м-м, как хорошо, — шепчет секретарша мужа, выгибаясь. Перед глазами вспыхивает снимок с крошечной бусинкой, спрятанный в моей сумке. Наш ребёнок. Не выдерживаю. С силой толкаю дверь. Оба вздрагивают, застигнутые врасплох. — Ну что же вы, продолжайте! Я думала, что нахожусь в счастливом браке. Но ровно до того момента, когда пришла сообщить мужу о своей беременности, и застала его с секретаршей. Мириться я с этим не хочу и настроена на развод и алименты. Вот только муж реагирует на мою беременность вовсе не так, как я ожидала. Книга участвует в литмобе «Красная нить судьбы» График выхода глав: через день

© Ясенева С., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 Карина	5
Глава 2 Карина	8
Визуализация	10
Глава 3 Карина	14
Глава 4 Карина	16
Глава 5 Карина	20
Глава 6 Карина	24
Глава 7 Карина	28
Глава 8 Карина	32
Глава 9 Карина	36
Глава 10 Карина	40
Глава 11 Карина	43
Глава 12 Карина	46
Глава 13 Карина	49
Глава 14 Карина	52
Глава 15 Вадим	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Глава 1 Карина

— Карина, вы беременны. Срок примерно пять недель, — сообщает доктор, медленно водя датчиком УЗИ.

На экране видна крошечная точка. У меня перехватывает дыхание.

Новость о моей беременности свалилась на меня неожиданно, будто снежный ком. Дело в том, что мы с мужем давно решили, что хотим отложить вопрос появления детей. Нужно встать на ноги, заработать достаточно денег, чтобы обеспечить ребёнку достойное будущее. Я хотела построить карьеру хирурга-офтальмолога. Столько планов, столько всего впереди... И вот теперь жизнь подкинула свой сценарий.

Придётся подстраиваться. Но разве это плохо?

Я вытираю прохладный гель, медленно одеваюсь и выхожу из кабинета, крепко сжимая в руках лист с заключением и снимок с чёткой бусинкой. Прячу всё в сумку.

Внутри меня распускается странное, тёплое чувство. Будто я ношу в себе маленький секрет, который делает меня особенной. Страшно, неожиданно, но вместе с тем невероятно радостно. Я улыбаюсь сама себе: оказывается, счастье может прийти совсем не по расписанию.

Первая мысль, позвонить мужу. Пальцы сами тянутся к телефону. Но тут же вспоминаю: сегодня у Вадима плановые операции. В такие моменты он полностью отключён от внешнего мира. Ответить точно не сможет. Значит, лучшим вариантом будет дождаться личной встречи.

В воображении тут же оживает сцена: я захожу в его кабинет, он поднимает на меня усталые глаза, а я протягиваю снимок. И вот он вскакивает, кружит меня прямо там, у своего массивного стола, обнимает так крепко, что перехватывает дыхание. Потом мы вместе будем гадать, кто у нас — мальчик или девочка, спорить о том, на кого будет похож малыш. У меня уже есть варианты имён, которые я хочу предложить Вадиму.

От этих мыслей меня пробирает мелкая дрожь. Боже, как же круто и страшно одновременно! Так сильно поменяется наша жизнь. Самой не верится. Вот вам и хваленые таблетки, подвели всё-таки.

Я выхожу из корпуса женской консультации и, глубоко вдохнув прохладный воздух, направляюсь к главному зданию нашей многопрофильной клиники. Ветер треплет волосы, в голове крутится одна мысль: «Вадим должен узнать первым».

Плакаю карточкой на служебном входе и попадаю в главный холл. Здесь всё знакомо до мелочей: высокий потолок, пахнет свежим кофе из автомата, где-то слышится звонкий смех медсестёр. Для меня это привычная рабочая атмосфера, но сегодня всё будто сияет новыми красками. Я вдыхаю этот запах и прислушиваюсь к себе: внутри меня теперь живёт ещё одна маленькая жизнь.

Прохожу к своему кабинету. Перед дверью уже сидит несколько пациентов — кто-то уткнулся в телефон, кто-то нервно листает журнал, ещё одна женщина смотрит на меня с такой надеждой, что внутри кольнуло чувство вины: ну вот, опять не до Вадима.

Придётся мне отложить новости. Работа есть работа.

Вхожу в кабинет, надеваю белый халат, привычный запах антисептика и тихое гудение аппаратуры будто переключают во мне кнопку. Я — врач. Надо спасти зрение, возвращать людям радость видеть. Эта мысль всегда помогает собраться.

Погружаюсь в рабочую суету: консультации, выписки, короткие разговоры, чёткие назначения. Пациенты сменяют друг друга, время течёт незаметно. Но каждый раз, когда остаюсь одна хоть на пару секунд, взгляд сам собой падает на сумку, где лежит снимок с крошечной бусинкой.

И вот, наконец, выдается свободная минутка. Сердце тут же ускоряет шаг, как будто чувствует, что сейчас произойдёт что-то важное. Я почти бегом иду к кабинету главврача.

Подозрительно тихо. Обычно возле него всегда толчея: врачи со своими просьбами, пациенты, пытающиеся пробиться на приём к «самому главному». Настоящая Мекка, к которой тянутся все страждущие.

Но сегодня коридор пуст. Я даже замедляю шаг, ощущая лёгкую тревогу. На двери приёмной, где обычно сидит его секретарь, висит белый листок с чёткой надписью:

“Сегодня Воронцов В.А. приём не ведёт. Срочная операция.”

Меня словно обдало холодом. Радостное волнение, копившееся весь день, натолкнулось на невидимую стену.

Странно, что мне никто ничего об этом не сказал. Обычно медсёстры предупреждают, все же знают, что мы с Вадимом женаты. Ну да ладно, я всё равно загляну, спрошу у Жени, что произошло, — секретари всегда в курсе.

Но, заглянув в приёмную, вижу: её место пусто. Компьютер выключен, на столе аккуратно сложенные папки. Может, вышла на перерыв?

Прохожу дальше по коридору и тянусь к ручке массивной двери в кабинет Вадима. В этот момент до меня доносятся приглушённые голоса. Мужской и женский. Я замираю. Но если он на операции, то кто же там?

Прислушиваюсь внимательнее. Нет, это не просто разговор. Интонации слишком тягучие, слишком мягкие, слишком интимные. Будто влюблённая парочка воркует.

Горло пересыхает, ладони леденеют. Сердце грохочет в груди так, что я боюсь, меня выдаст этот звук. Осторожно приоткрываю дверь буквально на пару сантиметров.

И картинка, которую я вижу, выбивает почву из-под ног.

Вадим сидит в своём массивном кожаном кресле, привычно откинувшись назад, ноги широко расставлены. А между ними — Женя. Та самая Женя, его секретарша. Она склонилась к нему, расстёгивает пуговицы на своей белой блузке и интимно мурчит:

— Ты такой мужественный, Вадим... я просто нереально теку, когда ты рядом. Хочешь потрогать?

Меня выворачивает изнутри. Прикусываю губу, ладонью зажимаю рот, чтобы не сорвался крик. Перед глазами всё плывёт, в ушах звенит.

— Я же женат, ну что ты творишь? — голос Вадима звучит глухо, но он даже не шелохнулся, не оттолкнул.

— Я же вижу, что тебя что-то гложет, — мурлычет она, словно кошка, — ты стал слишком задумчивым. Я всего лишь хочу помочь тебе расслабиться.

И тут она берёт его руку... и тянет к себе. Я вижу, как пальцы Вадима касаются её между бёдер. Женя запрокидывает голову и издаёт сдавленный стон.

— М-м-м, как хорошо, — шепчет она, выгибаясь.

Меня трясёт так, что я почти теряю равновесие. Перед глазами вспыхивает снимок с крошечной бусинкой, спрятанный в моей сумке. Наш ребёнок.

Не выдерживаю. С силой толкаю дверь — она распахивается настежь. Оба вздрагивают, застигнутые врасплох. В кабинете пахнет духами Жени, сладковато-тягучим ароматом, который теперь будет казаться мне ядовитым.

Я улыбаюсь, и голос мой звучит неожиданно ровно, даже издевательски:

— Ну что же вы, продолжайте, — машу рукой, как дирижёр, задающий темп оркестру.

Мои хорошие,

Рада вас видеть в своей новинке♥#

Усаживайтесь поудобнее, берите чай или кофе, мы начинаем :)

Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять, ставьте звездочки, чтобы сделать автора чуточку счастливее! Подписывайтесь на мою страничку.

Ваша Софа

Глава 2 Карина

Женя с явной неохотой отступает в сторону. Она одёргивает свою коротенькую юбку и демонстративно откидывает волосы на спину, будто выходит на подиум, а не стоит перед нами. Каждый жест пропитан самодовольной уверенностью: да, я красивая, да, мужчины на меня смотрят. Всё с ней становится ясно сразу. Она следит за собой не потому, что должность обязывает, а потому что это её капитал. Товар, который она выставляет напоказ, готовая предложить каждому мало-мальски перспективному мужчине.

И Воронцова она изучила лучше всех. Рассмотрела, оценила, приценилась и решила, что улов стоит того.

Когда перевозжу взгляд на мужа, не могу не не заметить: он возбуждён. Щёки порозовели, глаза блестят, пальцы нервно барабают по подлокотнику кресла. Если бы я зашла минутой позже... даже думать мерзко, что именно я могла бы застать. И от этого внутри всё сжимается, подступает тошнота. Его не остановило даже то, что в кабинет в любой момент мог войти кто угодно. Насколько бесстыдным нужно быть?

— Рина, ты почему здесь? — пытается взять ситуацию под контроль.

— Выдалась свободная минутка, — говорю максимально спокойно. — Думаю, дай загляну к тебе.

С идеально прямой спиной прохожу дальше и опускаюсь на кресло напротив, закидывая ногу на ногу. Вот бы на мне сейчас были мои любимые красные лодочки, эффект был бы ещё ярче. Но и так сойдёт: осанка, взгляд, голос — всё работает на то, чтобы показать моё превосходство. Женя же стоит в стороне, переводит глаза то на меня, то на него, не зная, куда себя деть.

— Кофе нам принеси, — бросаю ей, словно приказ, даже не просьбу. Смотрю свысока, отрезая возможность для возражений.

Ни за что не покажу, как паршиво на душе. Пусть думают, что с меня всё сходит как с гуся вода.

Женя переводит взгляд на Вадима, словно ждёт поддержки, но тот сидит, нахмурившись, и молчит.

— Не стой, Женя, я жду, — выгоняю её одним тоном, которому привыкли подчиняться ординаторы на кафедре.

Она фыркает, разворачивается и уходит, звонко постукивая каблуками и призывно виляя бёдрами. Её поведение больше похоже на вызов.

Я жду, пока за ней захлопнется дверь, и только тогда поворачиваюсь к Вадиму:

— Можешь не утруждать себя фразами про то, как я всё неправильно поняла. Дур здесь нет. Но я советую тебе облегчить душу. Давно это у вас? — киваю в сторону приёмной.

— Рин, я правда не понимаю, зачем тебе эта информация? Чтобы что?

— Чтобы понимать, Вадим, как давно ты опустился до того, чтобы изменять мне.

— Чтобы ты потом предъявляла мне за это? — бросает он сухо, с вызовом.

— А я что, должна молча терпеть? — усмехаюсь. — Упс. Не на ту напал, Воронцов.

В этот момент дверь открывается снова, и возвращается Женя с подносом. Она ставит перед нами две чашки кофе. У Вадима на пенке аккуратно нарисованное сердечко. Боже, она совсем глупая? Или настолько бесстрашная?

Демонстративно меняю чашки местами и спокойно делаю глоток. Горечь кофе обжигает язык, но именно она сейчас помогает не сорваться и не закричать. Женя заливается краской, как школьница, пойманная на шалости, но вслух не произносит ни слова.

— Иди, я скажу, если будет что-то нужно, — отсылает её Воронцов ровным, сдержанным голосом. — А ты прекращай выпускать коготки, Рина. Я прекрасно знаю, что ты у меня львица.

— Так не давай мне повода, — отвечаю холодно. — Я не собираюсь терпеть унижения. Ни от тебя, ни от неё.

Он морщится, пальцы начинают бессмысленно постукивать по подлокотнику кресла.

— Это всё не имеет никакого значения, — говорит он, словно пытаюсь убедить прежде всего сам себя. — У меня только одна любимая женщина — ты. Я не устаю тебе это повторять. Ничего не изменилось. Предлагаю просто забыть этот эпизод.

Я улыбаюсь широко. Улыбка холодная; внутри — гора битого стекла, которая шуршит при каждом вдохе.

— У нас, — говорю медленно, шурясь, — какие-то разные с тобой представления о том, как себя ведут с любимыми. Мне такой вариант не подходит. Помнишь наш разговор в самом начале отношений?

Он вздрагивает, как будто я ткнула его в болезненное место.

— Ты серьёзно, именно сейчас предлагаешь повспоминать? Как это относится к делу? — в его голосе слышится раздражение и лёгкое отторжение от темы.

— Удобно страдать провалами в памяти, Вадюш, — специально коверкаю имя, знаю, как это его бесит. — Я тебе напомню. Я говорила, что измена для меня — конец отношений. Ты со мной согласился, клялся, что её никогда не будет.

— Это и не измена, Рин. Её не было даже в мыслях.

Слушать это — всё равно что смотреть, как кто-то пытается перекрасить слона. Я видела их, и никакие его словесные выкрутасы этого не изменят. В груди поднимается такой прилив злости, что пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. Хочется сорвать с себя маску учтивости и выпустить львицу — ту самую, что он так опасается — чтобы она рванула и расцарапала его лицо в порыве мести. Но я держусь. Потому что знаю: от мести легче не станет.

Я люблю себя слишком сильно, чтобы оставаться рядом с тем, кто умышленно унижает меня. Самоуважение — не тот товар, который стоит продавать со скидкой. И потому решение созревает бескомпромиссное: жить дальше с Вадимом — значит перечеркнуть себя. Мне сейчас нужна стабильность, а не драматические петли; нужен спокойный дом и крепкие нервы. Иначе кто у меня родится — нервный и затюканный ребёнок? Нет, мне это не нужно.

Кстати, о нём. Сообщать ли о таком мужу? Сомнения давят: облегчит ли правда положение или только добавит сплетен и лжи?

Покачиваю в руке чашку, наблюдаю, как остатки пенки медленно тают.

— Рина, — говорит он в очередной раз. — У меня сегодня очень загруженный день. Давай я вернусь домой и мы всё обсудим. Правда нет времени на долгие многозначительные паузы.

Я встаю. Иду с тем же достоинством, с той же прямой спиной, что и прежде. Подхожу к двери, берусь за ручку. На секунду поворачиваю голову и встречаю его холодный взгляд, в нём смесь вины и раздражения. Была — не была.

— Информация к размышлению, Вадим. Я беременна. Готовься платить алименты.

Визуализация

Воронцова Карина Витальевна, 28 лет

Хирург-офтальмолог, работает в клинике мужа. Амбициозна, умна, красива. И чего не хватало её мужу?

Воронцов Вадим Александрович, 40 лет

Хирург, уролог, главврач многопрофильной клиники. Не хочет заводить детей, но жене об этом не говорил. Есть ли у него какая-то причина или просто боится ответственности?

Глава 3 Карина

Возвращаюсь в свой кабинет. Периодически приходится останавливаться у стены, прятать лицо в ладонях и собирать в кулак остатки сил. Злые слёзы вырываются сами, скатываются с ресниц и жгут кожу. Чёрт возьми, как можно держать лицо, когда внутри полный раздраз? Но я должна. Сейчас середина рабочего дня, впереди приём, и пациенты никуда не денутся. Они не должны видеть моих слабостей.

В кабинете всё как всегда: запах антисептика, ровный свет из ламп под потолком, стопка карточек на столе. И всё это только раздражает: в этом порядке нет ни малейшего отражения моего хаоса. Чтобы давать назначения, ставить диагнозы, нужна сосредоточенность, холодный ум, а у меня в голове сплошной гул и обрывки картинок из недавней сцены.

— Кариночка Витальевна, — осторожно заглядывает Маша, администратор, делая бровки домиком. В руках у неё планшет, который она сжимает как щит. — Мне с утра названивает один упёртый пациент. И слышать не хочет, что у вас сегодня всё забито. Что мне делать? Он ещё угрожал жалобой, — последние слова она почти шепчет, словно боится, что кто-то ещё услышит.

Я выдыхаю, сглатываю колкость на языке.

— Очередной царь с короной на голове?

— Ага, — кивает она, виновато закатывая глаза. — Я его три раза уже ориентировала по ближайшей дате, но он ни в какую.

— Маш, а с чем он хочет прийти?

В её взгляде замешательство.

— Ой! — только и вырывается.

Этого достаточно, чтобы я поняла: как всегда, она не уточнила. И вот так на ровном месте можно пропустить что-то серьёзное.

— Давай так, — говорю устало, — звони ему и спрашивай, какие жалобы. Потом решим. В конце концов, кроме меня есть ещё врачи, он может попасть к любому свободному.

— Но он хочет только к вам, — не сдаётся Маша.

Я прикрываю глаза и считаю до трёх. В груди распирает злость на Вселенную: ну почему именно сегодня?

— В любом случае, я пока не понимаю, насколько там срочно. Сначала выясни, потом будем думать.

— Поняла. Бегу звонить, — кивает она и исчезает в коридоре.

Выхожу к кулеру, наливаю стакан воды и пью большими глотками, будто влага может смыть изнутри горечь.

Надо собраться. Прямо сейчас. Мне ещё минимум шесть человек принимать, а может и семь, если этот «царь» решит штурмовать мой график. Карточки тоже не сами заполнятся. Завтра операционный день, значит, завал будет вдвойне.

Собравшись, принимаю ещё двоих. Руки делают привычные движения, голос звучит уверенно, и пациенты даже не догадываются, что внутри у меня пожар.

И вот, когда отпускаю очередного, снова вижу Машу — она идёт ко мне быстрым шагом, прижимая планшет к груди. На лице её смесь тревоги и желания поскорее переложить ответственность на мои плечи.

— С его слов, у него конъюнктивит, не видит толком, а у него какие-то важные переговоры или контракты, я не поняла... — Маша пожимает плечами.

— Ладно, давай его в конец записи пригласи, — говорю, уже заранее понимая, что случай несложный и не займёт много времени. Тогда я наконец смогу уйти домой и хорошенько всё обдумать.

Пациенты оказываются разными. Я погружаюсь в их истории и жалобы — это единственное, что спасает меня от навязчивой мысли о Вадиме. Работа как лекарство: каждый диагноз, каждый аккуратный жест словно вытягивает меня из смятения. Принимаю одного за другим, голос ровный, руки точны — снова и снова доказываю себе, что могу быть профессионалом, даже когда весь мир внутри рушится.

Наконец наступает очередь последнего — того самого «царя».

— Проходите, присаживайтесь.

Несмотря на усталость, стараюсь быть вежливой. Люди разные, и порой за маской высокомерия скрывается страх, особенно у тех, кто вдруг обнаружил проблему со зрением.

Он входит без лишних слов, представительный, широкоплечий, с идеальной осанкой. Костюм сидит идеально, дорогие часы блестят. Не поздоровавшись, садится напротив.

— Что вас беспокоит? — спрашиваю спокойно.

Он отвечает дерзко:

— Вы и так знаете, ваша цербер меня допрашивала полчаса, хотя всего лишь нужно было записать меня к вам.

— В нашей клинике все специалисты профессионалы, — поясняю, — мы распределяем нагрузку равномерно.

— Я плачу немалые деньги, чтобы попасть именно к вам, — заявляет он.

Деньгами передо мной трясёт, и хоть он симпатичный, характер у него отвратительный.

— Алексей Михайлович, — говорю строго, — всё-таки я бы хотела услышать жалобы.

Он начинает: глаза гноятся, перед ними всё плывёт, через день переговоры, нужно быть в форме. Я приглашаю его на кресло, осматриваю аккуратно, отмечаю покраснение, отёк, слизистые выделения — классика бактериального конъюнктивита. Диагноз подтверждается простыми манипуляциями, всё, как по учебнику.

— Пропишу вам капли с антибиотиком, — говорю, — закапывать три раза в день, улучшение уже завтра. Если станет хуже — звоните, я вас пересмотрю.

— Всего десять минут вашего времени. И стоило заставлять меня умолять принять?

— Если бы я принимала каждого вне записи, я бы здесь жила, — отвечаю, слегка уставшим тоном. — У меня есть своя жизнь.

Пассаж о деньгах воспринимается мной болезненнее обычного: сегодня любая фамильярность режет особенно остро. Я стараюсь не перерабатывать и ценю свои границы, не потому что черствая, а потому что без отдыха врач перестаёт быть собой: неинтересный, неправильно лечащий, выжженный. Пациенты не хотят такого врача, и я сама не хочу им быть.

Выключаю компьютер, гашу свет в кабинете. Беру пальто, нащупываю в сумке снимок.

В коридоре меня уже поджидает Воронцов. Он стоит у стойки, руки в карманах. Не дал мне и шанса сбежать.

— Рина, едем домой?

— Может, поговорим здесь? — предлагаю, еще цепляясь за мысль о людях вокруг, чтобы отложить неизбежное.

— Я бы не хотел, чтобы нас подслушал кто-то, — отвечает он.

Правильно: в маленьком коллективе слухи рождаются на пустом месте и растут, пока не станут полной правдой в умах всех.

— Ладно, — соглашаюсь.

Домой едем молча: даже радио не включаем. Едва переступив порог, Вадим сообщает ровно, без лишней интонации:

— Рина, ты должна сделать аборт.

Глава 4 Карина

Поверить не могу в то, что слышу. Словно слова Вадима повисли в воздухе ядовитым облаком, и я не в силах вдохнуть.

Первая реакция — выставить его за порог, пригласить хоть за все деньги мира мастера и сменить замки. Убрать из своей жизни мужчину, который посмел угрожать моему ребёнку, моей крошечной бусинке, ради которой я уже готова на всё.

А вторая реакция — растерянность. Ещё большее непонимание. Что вообще происходит? Мы столько раз обсуждали тему детей. Да, каждый раз откладывали — работа, карьера, ипотека, удобный момент... Но ни разу Вадим не говорил, что вообще не хочет детей. Ни намёком, ни интонацией. И вдруг — это. Холодное, безжалостное: «сделай аборт».

Что могло измениться за пару месяцев после последнего разговора? Это Женя, что ли, его надоумила? Только при одной мысли о ней грудь сводит огнём. Словно кто-то изнутри выжиг меня каленым железом.

Я не отвечаю. Просто скидываю туфли, босыми ступнями чувствую прохладный пол и иду на кухню. Шумно наливаю воду в стакан, глотаю жадно, большими глотками. Ставлю стакан в раковину, и звук стекла о металл отдаётся колоколом в голове.

Подхожу к окну, раскрываю створку, впуская прохладный воздух. Подставляю лицо ветру. Глаза сами собой закрываются. Дышу. Вот так. Уже легче.

— Карина, ты собираешься просто молчать? — его голос за спиной режет слух. Я чувствую его раздражение шестым чувством: Вадим не выносит, когда на него не обращают внимания.

Поворачиваюсь к нему медленно.

— Вадим, что ты хочешь от меня услышать?

Он делает шаг вперёд.

— Что ты думаешь по этому поводу? — спрашивает, словно ожидает простой, удобной формулы, которая всё уладит.

— Я в шоке от того, что ты мне сказал, — выдыхаю я. — От любимого человека как-то не ожидаешь такого. Как у тебя вообще язык повернулся желать нашему ребёнку смерти?

Его лицо на секунду дергается, как у человека, которого поймали на вранье. Но потом он, напротив, расправляет плечи и начинает защищаться:

— Не переворачивай! Если бы мы планировали...

— Так мы планировали! — намираю я, и слова вырываются уже с обидой. — Разве не твои слова: «Кариш, давай через пару лет»?

Он вздыхает и смотрит так, будто ему тяжело со мной спорить:

— Ну и где противоречие? Прошло всего два месяца. Ты же на таблетках, как это вообще произошло? Или... — и тут в его голосе появляются обвинительные нотки.

— Ты блин в своём уме, Воронцов? Только не говори, что хочешь меня обвинить сейчас! — вырывается из меня, и я сама удивляюсь резкости.

Я отшатываюсь от него, недоверчиво разглядывая. Боже, у меня сейчас полное ощущение, что я с каким-то незнакомцем говорю. Не мог мой Вадим так хладнокровно со мной обсуждать нашего малыша. Будто это проблема какая-то, а не счастливое событие.

Он пытается опереться на какие-то общие мифы:

— Ну знаешь, вокруг куча историй, как жёны таблетки на аскорбинку меняют, а мужу лапшу вешают, что они на гормонах.

Я прохожу мимо него к двери и распакиваю её настежь.

— Вон пошёл, Вадим! Видеть тебя не хочу. — Голос дрожит, но я придаю ему твёрдость.

Держусь из последних сил, жуть как хочется просто остаться одной, чтобы переварить всё это.

Он делает шаг и рукой перекрывает мне путь, огибает и закрывает дверь.

— Стоп, мы не договорили. Остынь.

— Остыть? Издеваешься! Начни с себя, а потом поговорим. Я пока что никакого конструктивного предложения не услышала, ни одного объяснения.

— Пойдём, сделаю тебе чай. Или лучше кофе? — спрашивает, как будто у нас просто мирная беседа.

— Мне нельзя кофе, — отвечаю коротко.

— Вообще-то беременным можно всё.

— Не хочу рисковать.

На этом лицо у мужа становится таким сложным, что я перестаю понимать, он злится или волнуется? Или ему вообще плевать на всё?

— Так ты хочешь сказать, что это всё случайность?

— Именно, — говорю тихо, но твёрдо. — Я точно так же не ожидала подобного. Но ты же в курсе, что ни у одного метода нет стопроцентной гарантии. Хотела с тобой поделиться, думала, ты обрадуешься.

Мы пристально смотрим друг на друга — два человека, которые когда-то строили планы на будущее, теперь теперь находятся так далеко, что шансы найти компромисс ничтожны.

Слёзы предательски подкапывают, и голос начинает дрожать. Я осекаюсь, стискиваю зубы, потому что если сейчас дам волю эмоциям, то вылью на него всё, что накопилось, причём с таким набором крепких выражений, что сама себя потом испугаюсь. Нет уж, лучше промолчать. Я слишком хорошо знаю: стоит мне скатиться в крик и базарные перепалки, — и это буду уже не я, а какая-то чужая, тёмная версия меня. И пусть она так и останется в тени.

Да, иногда я думаю матом. Исключительно внутри своей головы. Такое у меня маленькое guilty pleasure. Не скажешь ведь какому-нибудь неприлично богатому пациенту, что у него мозг с перепелиное яйцо? Или проверяющему, который лапает тебя сальным взглядом, не скажешь прямо, куда ему стоит пойти. Так и живу, на лицо приличная, дерзкая внутри.

Не может же человек быть идеальным. У всех свои тараканы, свои маленькие грехи.

— Рина, — морщится, словно от зубной боли, — я, конечно, не оправдываю твоих ожиданий, но моё мнение не изменилось.

— Почему? — у меня почти истерика. — Что такого сделал тебе невинный малыш, что ты его ненавидишь? Неужели ты настолько чёрствый? Получается, я тебя вообще не знаю?

— Причём тут «ненавидишь»? — он морщится сильнее, словно я давя на больное место. — Откуда такие громкие слова. У меня есть свои причины. Поверь, они очень веские.

— Так поделись ими со мной! — повышаю голос, чувствуя, как дрожат пальцы. — В чём проблема? Может, я пойму.

— Не могу.

Всё. Одно это «не могу» ставит точку. В груди холодом оседает понимание: он и не собирается мне ничего объяснять. Сколько лет вместе, а в самый важный момент я остаюсь один на один со своими мыслями.

— Уходи, Вадим. Я справлюсь без тебя. Может, ты просто хочешь детей от Жени?

— Что? — он даже отшатнулся, будто я его пощёчину отвесила. — Рина, как тебе вообще такое в голову пришло?

— А что мне думать? — шиплю я, срываясь. — Ты устраиваешь тайны мадридского двора. Ты имеешь секретаршу прямо в своём кабинете, а потом заявляешь, что своего собственного ребёнка готов отправить на аборт. Ты в своём уме, Воронцов? Это твои слова были, не мои.

— Я никого не имел в кабинете, — огрызается он.

Отворачиваюсь к окну, чтобы не видеть этого театра. Ну да, святой человек. Ангел во плоти. Ещё нимб протри — и картинка сложится. Только вот от его оправданий мне легче не становится.

Я поворачиваюсь к нему, слова рвутся наружу с холодной решимостью.

— Скажу тебе кратко, ладно? Нет сил больше говорить с тобой. Я ни за что не пойду на аборт. Твоё мнение меня больше не интересует. Мы разведёмся через месяц. В свидетельстве я оставлю прочерк. Ты свободен, Вадим.

Его лицо темнеет, глаза сверкают так, что я даже на секунду теряюсь.

— Твою мать, Рина, ты не понимаешь, что творишь!

Мои хорошие,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Красная нить судьбы"
Анна Жукова "Измена. Вон из моей жизни!"

<https://litnet.com/shrt/IgD6>

Глава 5 Карина

Я понимаю, прекрасно понимаю, что делаю. Так кристально ясно, как никогда в жизни. Понимаю, что вышла замуж за мужчину, который способен на страшные вещи. Он безжалостен, хладнокровен и плевать хотел на меня.

Он не может принудить меня сделать то, что я не хочу, это очевидно. Значит, мне просто нужно стоять на своём. Ногти впиваются в ладонь, но я держу лицо — ни единой слабости.

— Либо ты поясняешь мне хоть что-то, либо катись. Делать аборт просто по твоей прихоти я не буду.

— Не советую идти против меня. Ничего пояснять я не буду. Если ты хоть немного соображаешь, то не станешь сейчас показывать характер.

Его тон — ровный, ледяной. От этого спокойствия меня пробирает дрожь.

— Ты... ты просто чудовище, — поражённо смотрю в его ледяные глаза.

Осознаю, что всё это время пятилась назад, шаг за шагом, пока не упираюсь бёдрами в столешницу. Твёрдый мрамор холодит сквозь ткань платья. Дальше отступать некуда. Но я всё ещё не чувствую себя в безопасности. Кажется, что в этой комнате вдруг стало тесно, и выхода нет.

Хоть Вадим никогда и не поднимал на меня руку, иначе мы бы развелись раньше, сейчас я не уверена в том, что это по-прежнему тот самый мужчина, с которым я жила целых пять лет. Его лицо чужое, словно маска, за которой спрятан незнакомец.

Кладу руку на мраморную окантовку раковины и чувствую, что ладонь лежит на ноже. Лёд по коже. Сжимаю его до побелевших костяшек. Боже, я что, готова защищаться даже так? Волоски на руках встают дыбом.

Сама от себя в шоке. Впервые в жизни я ощущаю, что могу пустить в ход оружие, если он сделает шаг.

— Рина, я тебя пальцем не тронул, ты преувеличиваешь сейчас мою опасность, — Вадим даже отходит и садится на стул. Деревянные ножки с глухим скрипом царапают пол. — У меня нет цели сделать тебе больно. Видишь?

Поднимает руки вверх, а затем медленно кладёт на стол, будто сдаётся. Но даже в этом жесте слишком много показного — как будто он играет роль, чтобы успокоить меня, а сам считывает каждую мою реакцию.

Если бы боль была физической. Но нет, я буквально клетка за клеткой умираю внутри. Может, у него и не было такой цели, но получилось сделать мне так больно, что я не понимаю, как жить дальше, как верить людям?

Даже измена меркнет по сравнению с тем, что он сказал потом. В конце концов, что такого страшного в том, что муж не удержал в штанах свой орган, по сравнению с будущим ребёнка? Нет, я не согласна с тем, как он поступил, и это тоже непростительно, но отошло на второй план сейчас.

— Вадим, можно я задам тебе вопрос?

Я стараюсь хоть чуть-чуть вернуть контроль над собой. Голос выдаёт напряжение, но не слёзы — их я упрятала глубже, чтобы они не смогли стать последней слабостью.

— Да.

Его ответ короткий. Взгляд внимательный, как у хирурга перед разрезом: он считывает мою позу, каждое движение, каждую колеблющуюся деталь. В его глазах нет сочувствия, только интерес к тому, как я теперь себя поведу.

Я нахожу в себе силы отпустить нож, который с глухим стуком падает в раковину, и подхожу к мужу.

Делаю шаг вперёд — не бегство, а проверка границ: выдержит ли он то, что произнесу?

— Ты готов с этим жить дальше?

Слова вырываются из глубины, где сидит страх и надежда одновременно. Мне нужно знать, есть ли место для нас в его будущем, или я одна.

Он опускает взгляд вниз и сжимает кулаки. Желваки на скулах ходят. Неудобный вопрос, понимаю. Но я хочу знать, понимает ли он, что делает? Отдаёт ли себе отчёт, что этот день разделил нашу жизнь на до и после? Как раньше уже не будет никогда. Но в его силах изменить будущее.

Он молчит слишком долго. Каждая секунда растягивается, и я ловлю себя на том, что считаю до пяти, чтобы не закричать, не броситься, не упасть на пол и не плакать так, чтобы не слышать больше его голоса.

Звонок раздаётся внезапно, и Вадим тут же отвечает. Я слышу только короткие вопросы.

Голос деловой и хладнокровный по телефону, и это контрастирует с тем, как нестабильно себя ощущаю я.

— Сколько? Когда? Могу. Выезжаю.

Он проглатывает последние слова. Работа, приоритеты, срочность. Всё то, чему он отдаёт себя без оглядки. Я ощущаю сейчас, что вторична в этом списке.

Когда кладёт трубку, быстро встаёт и направляется к выходу. Он не смотрит на меня, лишь бросает мимоходом:

— Срочная операция, прости, я должен ехать. Поговорим позже.

Секунда, и он исчезает за дверью, а я прямо там сползаю вниз и сижу, уставившись в стену. Я так и не услышала ответ на один из самых важных для меня вопросов. Кажется, Воронцов специально тянул, чтобы не отвечать на него.

Опираюсь лбом о холодный бетон, и слёзы, наконец, текут по щекам, тихо, предательски.

Какая, в сущности, разница? Готов он или нет. Я услышала и увидела сегодня столько, что никакие оправдания не способны спасти его репутацию в моих глазах.

В голове всплывает чёрная лента тех кадров — его равнодушное лицо, её нахальная улыбка, его слова про аборт — и ни одна из картинок не стирается. Как будто кто-то взял и стер из моей памяти всё то, что отвечало за доверие к нему.

Как мне дальше работать с ним? Пусть у нас и разные отделения, но как главврач он пересекается с каждым. Придётся минимизировать контакт, насколько могу.

Предвкушаю те маленькие столкновения, которые будут происходить: совещания, общие собрания, походы на презентации новых приборов. Каждый раз мне придётся держать дистанцию, играть роль профессионала, не выдавая внутреннего протеста. Буду заранее подстраиваться: сокращать личные разговоры, переводить вопросы к своим коллегам, записывать всё в почте, чтобы лишить его возможности манипулировать ситуацией лицом к лицу.

Здесь очень хорошее место с прекрасной зарплатой. Я не могу хлопнуть дверью и уйти вникуда.

Финансовые вопросы не исчезнут, если я встану и уйду. И ещё — профессиональная гордость: я столько лет шла к тому, чтобы быть врачом, к тому, чтобы иметь свою практику и уважение коллег. Не хочу разрушить это импульсивно.

Мне нужно накопить деньги на первое время декрета. Потом я смогу подыскать себе другое место.

Считаю в уме месяцы: сколько нужно отложить, чтобы пережить первые полгода без зарплаты. Вычитаю из зарплаты коммуналку, питание, детские вещи, и понимаю, что предстоит экономить жёстко. Значит, придётся подрабатывать по возможности, брать вечерние консультации, вести просвещение пациентов онлайн, если получится, чтобы было хоть какое-то подспорье.

Но сейчас, как только узнают о беременности, не захотят брать в штат. Кому это нужно, брать финансовую нагрузку на себя за сотрудника, который не отработал практически ничего?

Представляю разговоры в коридорах, шёпоты у кулера, взгляд начальства: «рискованно». И понимаю, что моя уязвимость теперь не только личная, она ещё и профессиональная. Поэтому работать до декрета в клинике — это не прихоть, а условие выживания.

Стисну зубы, и всё стойко переживу. Ради себя, ради нас.

Кладу руку на живот и мысленно обещаю:

“Мама сделает для тебя всё и даже больше, если понадобится.”

Мои хорошие,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Красная нить судьбы"

Лера Корсика "Измена. Счастье быть нужной"

<https://litnet.com/shrt/zti6>

Глава 6 Карина

С утра просыпаюсь с ощущением, будто меня переехал каток. Голова гудит, тело ломит, даже пальцы на руках будто деревянные. Спать хочется просто ужасно. Полночи я проворочалась, не в силах заснуть, то задыхаясь от слёз, то злясь на себя за слабость. Под утро наконец провалилась в тревожный, поверхностный сон, в котором сбылся мой самый страшный кошмар.

Мне снилось, что я в роддоме. Только родила. Ко мне подошёл врач, лицо которого скрыто маской, и без тени эмоций сообщил:

— Карина Витальевна, вы выполнили свой долг. Теперь ваш ребёнок отправится в подходящую семью.

Я пыталась закричать, но горло перехватило. Не в силах идти, я буквально ползла по длинному больничному коридору за ними, цепляясь руками за холодный кафельный пол. Из дверей палат выглядывали женщины, прижимавшие к груди свои кулёчки, и равнодушно провозжали меня глазами. Ни одна не помогла. Взгляды были полны чужого облегчения: “Меня это не касается.”

Я пережила такой ужас в эти минуты, что думала, сердце выскочит из груди. Проснувшись в холодном поту, с комком в горле, будто всё произошло на самом деле.

Теперь же в голове туман, мысли вязнут, словно в густом киселе. Надо выпить кофе. Вчера я отказалась от него, больше демонстративно, чем по убеждению, будто это может навредить. Но сейчас... сейчас мне нужно срочно прийти в себя. Впереди три операции, и у меня не будет даже получаса, чтобы прилечь или вздремнуть.

Шлёпаю под глаза патчи, будто эти маленькие холодные капельки способны волшебным образом убрать мешки и синеву. Понимаю, что это самообман, но хотя бы создаю видимость контроля. Плетусь на кухню. Наливаю кофе, и как только делаю первый глоток обжигающе горячего напитка, в блаженстве закрываю глаза. Тело откликается мгновенно, словно в вену влили жизнь.

Выплываю в реальность спустя секунд тридцать. Чёрт! Не хватало заснуть прямо за столом, с чашкой в руках. Так и опоздать недолго.

Открываю морозилку, вытаскиваю заготовленные кубики льда с ромашковым отваром. Провожу одним по лицу, холод так щиплет кожу, что мгновенно сбивает остатки сна. Кровь приливает к щекам, дыхание становится свободнее. Наполовину опустошаю чашку быстрыми глотками.

Подхожу к окну, распаиваю его настежь и выглядываю наружу. Улица тиха, редкие машины проезжают по пустой дороге, редкие пешеходы вяло тащатся на работу. Кажется, весь город ещё только открывает глаза.

На мгновение становится легче. Свежесть утра встряхивает меня.

Завтрак решаю отложить, знаю свой организм. После еды меня непременно клонит в сон, а это сейчас последнее, что мне нужно.

Я хватаю сумку и понимаю: впереди не просто рабочий день. Впереди испытание, которое покажет, насколько я вообще в состоянии держаться на ногах.

В клинику я захожу за полчаса до начала операции, но ощущение такое, будто опоздала на час. На ресепшене царит привычная утренняя суeta: пациенты тянутся с направлениями и жалобами, администраторы что-то одновременно печатают и отвечают в трубку, воздух звенит от чужих голосов.

Я киваю Маше, которая поднимает глаза и машет рукой, как будто хочет спросить, всё ли у меня в порядке, но тут же отворачивается, поток людей не оставляет ей времени. И слава богу: сейчас я не готова к лишним вопросам и жалости.

Меня ждёт три операции, и первая из них — самая сложная. Витрэктомия при отслойке сетчатки. Пациент пожилой мужчина, с целым букетом сопутствующих диагнозов. В коридоре возле операционной уже стоит его жена: худенькая, седая, с платочком в руках, сжатым так крепко, что костяшки пальцев побелели. Её взгляд пронзает насквозь — молчаливая просьба, почти мольба.

Я киваю ей, но пройти мимо нелегко. В такие моменты ответственность наваливается не просто камнем, целой горой.

Врач-анестезиолог здоровается со мной бодрым голосом, но в ответ я лишь улыбаюсь уголком губ. В голове пульсирует гул: недосып, стресс, голод. Сухость во рту такая, что язык будто прилипает к нёбу.

В операционной прохладно, яркий белый свет режет глаза. Знакомые стены, знакомый запах антисептика — всё будто усиливает контраст с тем хаосом, что творится внутри меня. Медсёстры быстро готовят инструменты: крошечные пинцеты, ножницы, микроиглы, витрео-том. Металл поблёскивает.

Я надеваю стерильный халат, перчатки, маску. Руки дрожат едва заметно, но мне кажется, что об этом знает весь зал. Делаю глубокий вдох, ещё один — и стараюсь поймать ритм. Главное — не выдать слабости. Здесь нельзя.

Пациента укладывают, проверяют показатели, подключают капельницу. Всё идёт по отработанному протоколу. Но я чувствую, что голова ватная, а движения чуть запаздывают. Каждый шаг даётся усилием.

Сажусь за микроскоп, и поле зрения мгновенно уменьшается до нескольких миллиметров. Вот она — сетчатка, тонкая, словно паутинка, и под ней зияет отслоение. Здесь цена ошибки — зрение человека. И я должна быть максимально сосредоточенной.

Я начинаю работать. Движения знакомые, выученные до автоматизма. Захватываю тончайший край сетчатки, осторожно фиксирую его. Дальше — удалить стекловидное тело, убрать то, что мешает прилеганию.

Обычно в такие моменты я погружаюсь в работу, и всё постороннее исчезает. Но сегодня мысли носятся, как разъярённые пчёлы. Вадим. Его холодный голос, его глаза. «Аборт...» — эхом гремит внутри. Я будто всё ещё там, в кухне, где мы спорили, а не здесь, в операционной.

— Освещение чуть сильнее, — говорю медсестре. Голос хрипнет.

Свет бьёт ещё ярче, резче. Я шурю, и в этот миг пальцы дрожат. Всего секунда — и рука идёт чуть в сторону.

Тонкая ткань под инструментом вспыхивает белёсым бликом. Не там.

Сердце ухает в пятки. Я замираю, будто время остановилось.

— Карина Витальевна? — тихо спрашивает ассистент, уловив моё колебание.

— Всё нормально, — отвечаю механически, но сама понимаю — нет, ни черта не нормально.

Я вижу то, чего не должно быть. Лёгкий разрыв, крошечная ошибка — но именно та, что может стоить пациенту зрения.

Грудь сжимает так, что нечем дышать. Перчатки липнут к ладоням, я ощущаю, как пот стекает по спине под халатом.

Я стараюсь продолжить, минимизировать ущерб, делаю всё максимально точно, но внутри пустота. Я уже знаю: я подвела.

И в этот момент мне впервые становится по-настоящему страшно — не за себя. За него. За того, кто доверился мне без остатка.

Дорогие читательницы,

Я буду очень рада если вы подпишетесь на мою страничку. Уже в октябре вас ждёт новинка, которая заставит ваше сердечко переживать за героев. Не пропустите.

Ваша Софа♥#

Мои хорошие,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Красная нить судьбы"
Дарья Словник "Измена. Жена на подмену"

<https://litnet.com/shrt/xfZH>

Глава 7 Карина

Заканчиваю операцию, максимально сосредоточившись на том, чтобы минимизировать риски. Уже сейчас понятно, что та неточность может сказаться на результате. В случае чего, я останусь виноватой.

От врачебных ошибок никто не застрахован. Это данность. Проблема лишь в том, что понимать это и войти в ту самую статистику — не одно и то же. В карьере врача такое случается у довольно большого процента оперирующих рано или поздно.

Я могла избежать этого, если бы нормально выпалась, если бы не всё то, что происходит со мной.

Снимаю перчатки, ощущая, как внутри пробегает дрожь, будто только что стояла под ледяным душем. Маску стягиваю с лица медленно и вдыхаю воздух операционной. Он сухой, холодный, пахнет железом и чем-то кислым. В горле першит.

У меня есть буквально полчаса перерыва до следующей операции. Решаю спуститься в кафе на первом этаже, чтобы перекусить. Оно у нас достаточно уютное, с большим количеством раскидистых фикусов и зелёных стенок между столами. Будто находишься в оранжерее, и это создаёт уют.

Выбираю круассан с ветчиной и сыром и чай с мятой, прохожу к дальнему столику и с аппетитом ем. Горячий хлеб приятно хрустит, а сыр тянется тонкими нитями — впервые за сутки ловлю крошечный момент нормальной жизни. Прислушиваюсь к себе и не обнаруживаю никаких признаков токсикоза. Хоть что-то идёт гладко. Представляю, как бы я оперировала при таком количестве лекарственных запахов, если бы он был.

За окном пасмурно, а ветер гоняет разноцветные листья по асфальту. В этом году осень ранняя, но ещё достаточно тепло. Надо бы выбираться на прогулку почаще, это полезно во время беременности, да и не только.

— Карина Витальевна?

Голос раздаётся прямо у моего плеча. Я оборачиваюсь и вижу у своего столика Алексея Михайловича, которого осматривала вчера и назначала ему капли.

— Здравствуйте, — киваю, скрывая лёгкое раздражение.

Бросаю взгляд в глаза с профессиональным интересом. Хоть покраснение всё ещё значительное, но гнойного отделимого практически нет. Хорошо, значит, антибиотик работает. Непонятно только, зачем он тут в таком случае?

— Простите, что беспокою, — говорит он мягким, поставленным голосом человека, привыкшего выступать. — Хотел вас поблагодарить за помощь. Вы спасли мои переговоры.

— Пожалуйста. Рада, что вам легче, — отвечаю сухо и делаю вид, что снова занята чаем.

Алексей Михайлович без спроса устраивается на стуле напротив и явно чувствует себя уверенно. Его движения плавные. Взгляд пронзительный, но обволакивающий, слишком внимательный, слишком личный. Человек, привыкший к вниманию, к тому, что его обаяние работает безотказно. Поднимает руку и зовёт официантку. Его костюм безупречен, галстук идеально сидит, и вся эта безупречность только раздражает.

— Я бы хотела продолжить свой завтрак наедине, — сообщаю прямо.

Настроения водить дипломатические хороводы нет совсем. Я сегодня слишком хрупкая, чтобы терпеть чужую самоуверенность.

Но мужчину это не смущает ни на секунду. Его губы трогает лёгкая улыбка, будто он не слышит мои слова.

— Я не отниму много времени. Хочу пригласить вас на ужин.

Я откладываю круассан, смотрю прямо и холодно:

— Я замужем.

— Всего лишь ужин, Карина, — отвечает он с лёгким акцентом на моём имени, словно смакуя его. — Кстати, можете меня называть по имени.

Откуда такие берутся? Прямые, как шпала. Что нужно такое сказать, чтобы до него дошло, что я не хочу ничего помимо отношений врач — пациент?

— Алексей, у меня нет времени на то, чтобы ходить куда-то. Тем более с незнакомым мужчиной. Простите.

Поднимаюсь, чтобы уйти.

— Стойте! — голос Алексея звучит за спиной, уверенный, властный. Он явно не намерен сдаваться.

Но я не слушаю. Выскакиваю в коридор, воздух здесь прохладнее, чем в душном кафе, и мне сразу становится легче дышать. Не хватало мне ещё проблем на ровном месте. Надеюсь, он не станет настойчиво караулить меня здесь, как охотник свою добычу. Вообще, как можно было что-то разглядеть в синяках под глазами, убитом виде и сгорбленных плечах? Я сама себе напоминаю выжатый лимон.

Мимо проходят медсёстры, их быстрые взгляды скользят по мне, задерживаются на мгновение и тут же отводятся. Здесь любое слово может превратиться в слух, любое движение — в пересуды.

— Карина, ты что, флиртуешь с пациентами? — Воронцов перехватывает меня. Оборачиваюсь, он стоит у стены, руки скрещены на груди, взгляд мрачный.

— Почему тебя это беспокоит? — огрызаюсь, надеясь, что он не пойдёт за мной.

Но мечтам сбыться не суждено. Вадим отталкивается от стены и идёт шаг в шаг со мной, не собираясь отставать. Его тень будто прилипает к моей.

— Может, потому что ты моя жена?

— Тебе же это не помешало прямо на рабочем месте... — бросаю я, не подбирая выражений.

— Мы сейчас не обо мне, а о тебе. И о врачебной этике.

— А что такого ты собственно видел, м? Может, я его касалась или передавала ему свой номер телефона?

— Не язви, Рина. Ты прекрасно понимаешь, в какое положение меня поставишь, если поползут слухи.

— Мне всё равно.

— Зато мне нет.

Его голос звучит тише, но от этого ещё опаснее.

— Вот прямо сейчас пойду и напишу свой номер. И на свидание соглашусь! — разворачиваюсь резко, провоцируя, проверяя, на что он пойдёт.

Вадим хватает меня за руку так сильно, что никаких шансов вырваться. Боль мгновенно простреливает до локтя, и я понимаю, он разозлился всерьёз. Я намеренно его довела, но такая яркая реакция мне непонятна. Если я для него уже не самая желанная женщина, то разве ему не должно быть всё равно?

То, как сильно у него сжата челюсть и сверкают глаза, явно показывает, что нет.

— Не смей.

— А то что? — бросаю вызов, хотя внутри холодеет.

— Дисциплинарку тебе вкачу.

— У тебя нет на это оснований.

— Правда? А вот Павел Андреевич говорит совсем другое.

Имя анестезиолога режет слух. Павел Андреевич — наш старший, уважаемый, педантичный до невозможности. Именно он присутствовал на операции сегодня. Сердце падает в пятки. Неужели донёс о том, что произошло? Но ведь пока неизвестно, как отреагирует организм. Всё может обойтись. Это не тот случай, когда изменения необратимы.

— Павел Андреевич не оперирующий хирург. Иначе не стал бы делать выводы сразу. Ты прекрасно это знаешь, — говорю я максимально уверенно.

— И всё же, Рина, тебе стоит быть собраннее.

— Сама знаю. Может, оставишь меня в покое? Это точно поможет.

— Нет, моя хорошая, — голос становится мягким, но хватка на запястье не ослабевает.

— Мы с тобой завтра идём на приём.

— К кому?

— К гинекологу.

Мои хорошие,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Красная нить судьбы"

Гайдэ, Николь До "Развод с обаятельным гадом"

<https://litnet.com/shrt/MJXU>

Глава 8 Карина

— Ты же понимаешь, что у меня уже есть все заключения врача. Если тебе нужно только это, я итак могу тебе всё прислать, — освобождаю руку и потираю её.

Запястье пульсирует от его хватки, кожа горит, будто на ней остался след. Надеюсь, что синяков не будет. Не хватало только носить одежду с длинным рукавом целыми днями. Я из тех людей, кому в большинстве случаев везде жарко, даже зимой. Так что для меня это будет ещё той пыткой, не говоря уже о том, как коллеги будут коситься.

— Мне твои справки не нужны. Ты прекрасно знаешь, по какому поводу нужна консультация.

Вадим говорит тихо, но голос у него твёрдый, без тени сомнений. От этого становится только страшнее. Он всегда такой — если что-то решил, выбить его с пути невозможно.

— Догадываюсь. Только без моего согласия сделать подобное нельзя. А я против. И всегда буду против. Раз уж так вышло, значит, так тому и быть.

Я чувствую, как у него напрягаются скулы. Ещё чуть-чуть, и он сорвётся. Но вместо вспышки слышу сдавленный смешок, он не верит, что я способна идти до конца.

— Я не просто так просил тебя пить таблетки, Рина. Так трудно было принимать их вовремя? Не надо делать из меня монстра. Просто соблюдала бы договорённости, и было бы всё отлично.

— Я принимала вовремя. Практически всегда у тебя на виду, — говорю сквозь зубы.

Он смотрит так, будто я его предала. Будто мы подписывали какой-то контракт, а я его нарушила. Хочется закричать, что это не сделка и не бизнес-проект, это жизнь. Моя жизнь.

— В общем, хватит делать вид, что в этом вопросе решения принимаешь только ты. Это точно такой же мой ребёнок, как и твой.

— Именно. Если он тебе не нужен, просто отвали, Вадим. Мы же взрослые люди, зачем ты устраиваешь проблему на ровном месте?

— Её бы не было, если бы не... Так. Завтра в шесть вечера. Будь готова.

И он уходит. Его шаги гулко раздаются по коридору, и у меня ещё какое-то время звенит в ушах. Я так ничего и не поняла. Но ведь правда, что он может сделать? У нас нельзя ничего предпринять без моего согласия. А за любое действие без него грозит уголовная ответственность. Правда на моей стороне. И всё же внутри пусто и тревожно.

— Карина, с вами всё хорошо?

Я вздрагиваю. Опять Алексей. Не сиделось ему в кафе, нашёл меня здесь. Стоит слишком близко.

— Нет. Но вы всё равно не сможете помочь. Поэтому давайте не будем тратить время.

— Это вы зря, — отвечает он мягко. — Поделитесь со мной, что у вас случилось. Тот мужчина явно был настроен агрессивно.

Его глаза изучающие, внимательные. Эта забота выглядит слишком навязчиво, и оттого тревожно.

— Простите, но это личное. Я не могу с вами это обсуждать. Мне пора идти.

Я отворачиваюсь, делая шаг назад, чтобы восстановить дистанцию.

— Карина, я оставляю свой номер на ресепшн. Если вдруг понадобится, свяжитесь со мной.

Говорит он это так спокойно и уверенно, словно мы давно знакомы. Но зачем ему мои проблемы? Выглядит максимально странно. Какой мужчина захочет добровольно влезать в такую сложную ситуацию? Ещё и учитывая, что мы не знакомы толком.

В сказки про любовь с первого взгляда я давно не верю. Тем более не в таком возрасте. Наверное, я чересчур подозрительна. Это и понятно в моём положении. Тут не до сомнительных предложений.

А ещё невыносимо тяжело осознавать: я словно стала добычей для двух мужчин, каждый из которых по-своему тянет меня в разные стороны. Один — властный и холодный, другой — слишком настойчиво-обаятельный. И в этом коридоре, полном шёпота коллег за спиной, я вдруг чувствую себя загнанной в угол.

Проверяю время на телефоне и спешу обратно в операционную. Следующие две операции гораздо проще, да и я чувствую себя уже чуть бодрее. Они проходят штатно: движения плавные, помощники работают слаженно, оборудование не подводит. Это даёт крошечный островок уверенности, ведь после той минуты невнимательности мне так хочется верить, что всё ещё в порядке.

После того как всё заканчиваю, не могу оставить мысли о первом пациенте. Переживаю за него, поэтому решаю навестить. Понятно, что прямо сейчас оценить заживление сложно, но мне будет легче, если я хотя бы увижу, как он себя чувствует.

На стенах аккуратно висят плакаты с рекомендациями по реабилитации. За дверью слышны приглушённые разговоры.

— Аркадий Сергеевич, как ваше самочувствие? — спрашиваю у пожилого мужчины, как только захожу.

— Сначала тошнило, но потом отпустило. Сейчас уже ничего, жить буду, — улыбается он криво, пытаюсь шутить.

— Конечно будете, и очень даже хорошо, — отвечаю бодро, хочу, чтобы он в это поверил.

— Когда снимете повязку? — спрашивает он, тревожась, как любой человек, который хочет вернуться к привычной жизни.

— Уже завтра, — говорю спокойно, — и я осмотрю вас. Но контроль заживления будет через неделю. Если всё пройдёт хорошо, я вас выпишу.

— Как же там моя Вика без меня. Хорошо хоть дети навещают.

— Настраивайтесь на то, что уже через неделю будете дома, — говорю я, потому что хочу дать ему опору.

Я действительно очень надеюсь, что всё будет замечательно. Завтра я ещё мало что увижу, восстановление требует времени, но на контроле через неделю уже станет понятнее, всё ли заживает как надо. На самом деле даже идеально выполненная операция не гарантирует стопроцентного успеха: ткани ведут себя по-разному, у кого-то всё приживается быстро, у кого-то возникают рубцовые изменения и нужна повторная операция. В таком случае шансы на отличный результат падают. Но я не буду думать о худшем, сейчас я настроена на успех и говорю об этом вслух.

По возвращении домой бесцельно брожу по квартире, не зная, чем себя занять. Квартира кажется странно пустой. В голову лезут плохие мысли, и я чувствую, что начинаю накручивать себя: «А если...», «Что если пациенту понадобится повторная операция?», «Как я буду жить, если...» — мысли идут одна за другой и безжалостно точат нервы.

За последнее время почти вся моя жизнь сосредоточилась на Вадиме и клинике. Круг общения сузился: коллеги, родственники, работа. Поддержки не хватает, нет той, которая нужна сейчас.

Больше всех я сблизилась с Надей, она всегда умела рассмешить, посмотреть под другим углом, дать простой совет. Она эндокринолог, взрывная, позитивная, хохотушка, которая умеет вытащить меня из хмурых мыслей. И поэтому ей-то я и звоню.

— Надь, давай посидим сегодня, поболтаем? Приходи ко мне..

— Я как раз ничем не занята. Ты вовремя. Через полчаса буду, — отвечает она бодро.

Через полчаса Надя входит с бутылкой вина и сыром, вся такая светлая и громкая.

Я вздыхаю и понимаю, что скрывать смысла нет. Рассказываю всё быстро, сбивчиво, пока она распаковывает: про Вадима, про операцию, про тот разговор на кухне.

— Ты справишься с вином одна? Я больше не пью. Я беременна, Надь, — вырывается из меня на пределе.

Она замирает, потом бросается ко мне, обнимает.

— Ух ты! Поздравляю.

— Пока рано поздравлять. Вадим не хочет этого ребёнка. Всё так серьёзно, я просто не знаю, что делать. И знаешь, он мне изменил.

Надины глаза распаиваются: они как блюдца, и в них видно настоящее изумление и злость.

— Чего? — произносит она. — Воронцов совсем поехал кукухой?

Я пожимаю плечами, потому что сама не знаю.

— Он тащит меня завтра к гинекологу и прямо сказал, что не хочет, чтобы малыш родился.

— Обалдеть! Карин, ну а ты что? Послала его в пешее эротическое?

— Если бы. Понятия не имею, что делать.

— Может, тебе стоит уехать? На время, — предлагает Надя, уже включив режим спасателя.

— Отпуск-то я уже отгуляла. Куда я денусь? — ответ звучит беспомощно.

— Если он будет настаивать, надо потянуть время, пока срок не перевалит за двенадцать недель. Сейчас у тебя сколько?

— Если верить тесту, пять недель.

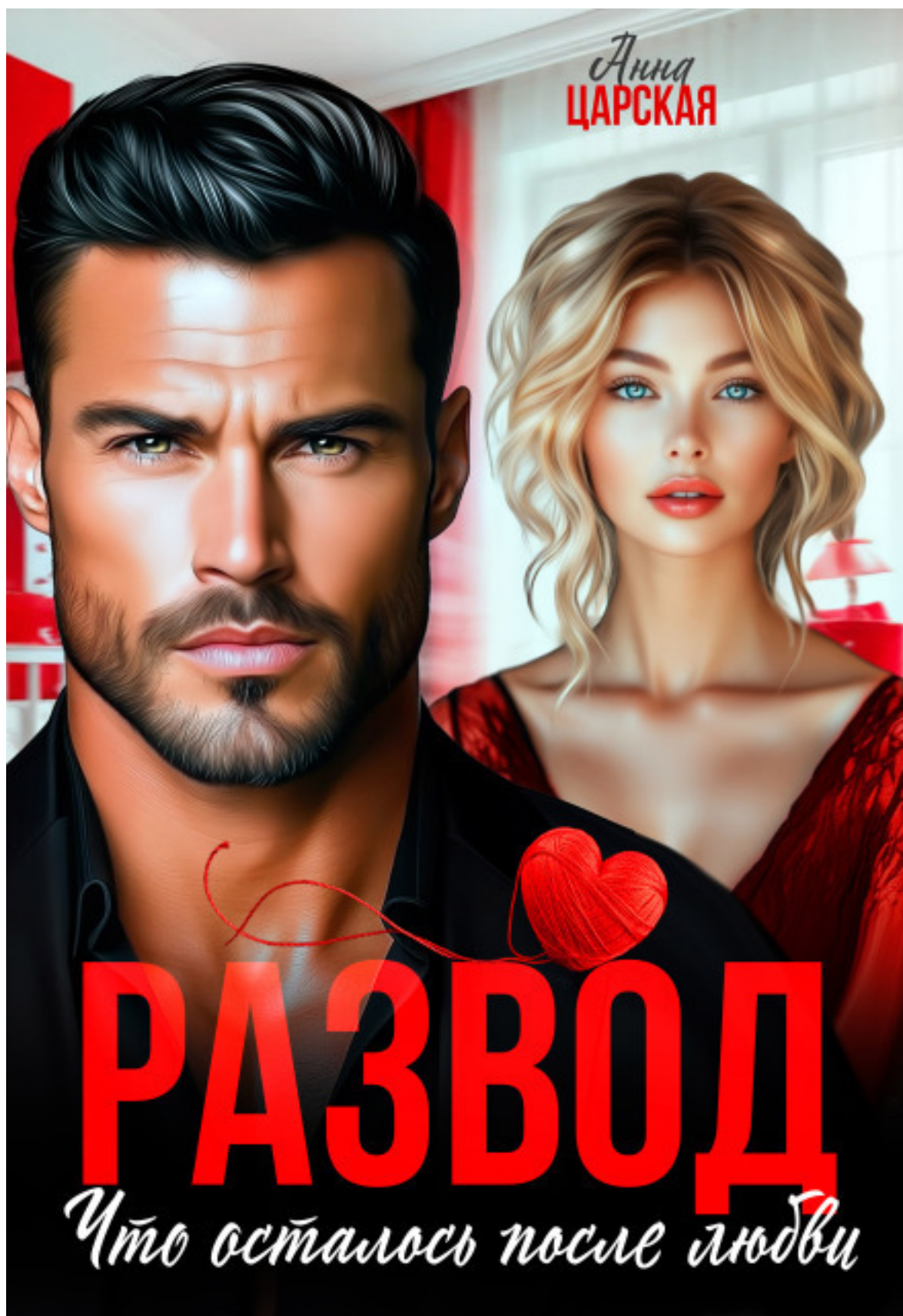
— Да... долговато. Но ты знай, если что, у меня есть куда тебя отвезти, чтобы отсидеться. Ты только не стесняйся, хорошо? Если бы мне было неудобно, я бы не предлагала. Карин, дело серьёзное. — Надя говорит быстро и решительно.

Я смотрю на неё и чувствую, как чуть-чуть отпускает. Рядом есть человек, который готов не только слушать, но и действовать. Это уже многое.

Мои хорошие,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Красная нить судьбы"
Анна Царская "Развод. Что осталось после любви"

<https://litnet.com/shrt/ivRX>

Глава 9 Карина

Мне всегда хочется верить в лучшее в людях. Немного наивно, конечно. И жизнь не раз уже показывала обратное. Но разве можно совсем перестать верить? Тогда ведь всё рухнет. Я думаю, именно поэтому я и стала врачом. Чтобы давать шансы. Чтобы там, где кто-то махнул рукой, я могла попытаться изменить хоть что-то. Пусть маленькое, но важное. Шанс на лучшую жизнь, на надежду, на завтрашний день.

Вот и сейчас не могу отделаться от мыслей о том, стоит ли давать шанс Воронцову. Нет, не на то, чтобы вернуться ко мне. Это даже не обсуждается. Но он ведь может передумать насчёт ребёнка. Ну должен же. Отцовский инстинкт, совесть, чувство вины, называйте как угодно. Разве можно так легко отказаться от своей крови? Он не социопат, не маньяк, у него есть сердце. Я сама не верю, что говорю это, но всё же надеюсь.

А если всё пойдёт по худшему сценарию... На случай, если он не передумает, у меня уже есть план Б. Та самая мысль, которую подкинула Надя. Уехать. Сбежать. Бросить работу, привычный ритм, привычный город. Для меня это звучит страшно, почти как катастрофа. Но если выбора не останется, если придётся спасать жизнь ребёнка, я уйду без колебаний. Себя-то я ещё могу поставить под удар, но не его.

Вадим, ты же оправдаешь мои ожидания? Ты же не такой, каким пытаешься казаться?

Как только появляюсь в клинике, сразу замечаю Надю. Она как всегда в ярком платье, лёгкая походка, улыбка, но взгляд внимательный. Подходит ближе к стойке ресепшена, будто специально ждала.

— Ну что, Карин, ты не передумала? — тихонько спрашивает, едва слышно, чтобы никто из случайных ушей не уловил.

Я опускаю глаза, перекачивая в руках телефон.

— Надь, я долго думала... и решила, что посмотрю, как пройдёт сегодняшний вечер.

— Ты сейчас серьёзно? — её скептический взгляд буквально прожигает меня насквозь.

Я машинально перекрещиваю руки на груди, словно это может защитить. Сердце ноет неприятно, будто предупреждает: «Осторожно, впереди снова боль».

— Да, я хорошо подумала, — говорю упрямо.

— Воронцова, ты у меня умная. Но вот конкретно сейчас... — она осекается, прищуривается.

— Давай уж, говори, — выдыхаю, заранее зная ответ.

— Дура, — рубит она, даже не моргнув.

Я смущённо отвожу взгляд. Её слова звучат жёстко, но в них только забота.

— Надь, а вдруг... — начинаю несмело.

— Нельзя быть такой наивной, — качает головой. — Сколько тебе надо звоночков? Чтобы набат зазвенел прямо над ухом?

— Я всё понимаю. Но он же отец. Вдруг он увидит его на экране и передумает?

Надя театрально закатывает глаза и с сарказмом выдает:

— Ага, зарыдает крокодильими слезами, раскается и упадёт тебе в ноги: «Прости меня, глупого, Кариночка. Я всё осознал, теперь буду приходить домой ровно в шесть, уволю всех баб, запишусь на курсы для будущих отцов и стану идеальным мужем и папой.» Так, да?

Морщусь. Грубовато, конечно, но в её словах слишком много правды, чтобы спорить. Она хочет встряхнуть меня, не дать снова увязнуть в иллюзиях.

— Я могу тебе позвонить, если что?

— Звони, конечно. Хоть ночью.

Мы обнимаемся. Но, как только иду на своё рабочее место, снова чувствую пустоту внутри. Решение принято, но уверенности в нём нет совсем.

День проходит как в тумане. Действую на автомате: проверяю зрение, даю рекомендации, назначаю контрольные осмотры, записываю на операции. Пациенты что-то говорят, улыбаются, благодарят — а я чувствую себя отстранённой, как будто смотрю на себя со стороны. Постоянно поглядываю на часы, будто каждая минута растягивается до вечности.

Когда без пятнадцати шесть в дверь моего кабинета заглядывает Вадим, у меня внутри всё сжимается. Я автоматически выпрямляюсь, напрягаюсь, будто наращиваю броню, чтобы он не увидел моих сомнений.

— Нам пора. Я жду снаружи, — бросает он коротко и закрывает дверь.

Судя по его решительному виду, ничего не изменилось. Он всё такой же непреклонный. Последняя надежда — УЗИ. Может быть, ребёнок заставит его сердце дрогнуть.

Решаю не тянуть время, а поскорее выяснить всё. Накидываю плащ, беру сумку с документами, делаю глубокий вдох и выхожу к мужу.

— Идём?

Он молча кивает. До соседнего корпуса буквально пара минут, но даже за это время я не успеваю его «прочитать». Кажется, он на взводе. Почему? Неужели волнуется не меньше, чем я?

На этот раз мы оказываемся у другого кабинета. Я понимаю: осмотр будет у другого врача.

— Вадим, я была у Сазоновой, ты специально решил идти к кому-то другому?

— Нет. Просто она не делает УЗИ, а я хочу всё сразу.

— Ясно, — выдыхаю.

Как только оказываемся внутри, меня накрывает волнение. Страх тихо скребётся изнутри. Я не знаю, на чьей стороне будет врач. Конечно, Воронцов — главврач, и она это наверняка знает. Но ведь есть врачебная клятва, принцип «не навреди»... Я прижимаю сумку к себе, будто щит.

— Карина Витальевна, давайте начнём сразу с УЗИ, — говорит врач спокойным голосом. — Посмотрим, где находится эмбрион и определим точный срок. Я всё расскажу и покажу.

Я молча прохожу на кушетку, снимаю одежду. Перед Воронцовым нет никакого стеснения, что он там не видел?

Врач вводит датчик и внимательно смотрит на экран.

— Так, ну что, беременность у вас маточная, первая хорошая новость. Прикрепление по передней стенке, эмбриончик уже большой. Сейчас проведу замеры.

Пока врач щёлкает клавишами, я украдкой смотрю на Вадима. Он, как замороженный уставился на экран, то хмурится, то кусает губу. Будто борется сам с собой.

— Срок у вас уже приличный, пять недель и шесть дней. Попробуем сердечко поймать?

— Да, давайте, — отвечаю без раздумий.

Если он его услышит... если услышит, это ведь должно что-то в нём сдвинуть, заставить сердце дрогнуть. Я верю.

Врач двигает датчик, пытаюсь поймать сердцебиение. Писк прибора, щелчки клавиш. Сердце малыша пока слишком тихое.

Я смотрю на Вадима и почти физически ощущаю, как гаснет в его глазах короткая искра. На её месте появляется та самая холодная решимость, которую я знаю слишком хорошо.

— Придёте ко мне через несколько дней, я вас без очереди посмотрю, Карина Витальевна. Тогда уже точно услышим. Не расстраивайтесь.

Она думает, что я расстроена из-за того, что не услышала сердечко ребёнка. Но на самом деле, потому что вижу: Вадим не передумал.

— На таком сроке ведь безопасно делать медикаментозное прерывание? — вдруг говорит он.

Врач смотрит то на меня, то на мужа.

— Эээ... да. Вы уверены?

— Нет. Я не буду этого делать, — резко произношу и кладу руку на живот, защищаю его.

— Выйди, Карина, — Вадим смотрит на меня холодно.

— Не слушайте его, — я смотрю врачу прямо в глаза. — Мы сохраним ребёнка.

— Я сказал, выйди, — его тон такой, что мороз бежит по коже.

Я встаю, не выдерживая этого взгляда, и выхожу из кабинета. Буквально на секунду останавливаюсь у двери, не понимая, куда себя деть. А затем срываюсь с места.

Мои хорошие,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Красная нить судьбы"

Анна Князева, Селена Лан "Развод. Десерт для прокурора"

<https://litnet.com/shrt/eySG>

Глава 10 Карина

Выбегаю из клиники так, будто за мной гонятся. Лабиринт коридоров остаётся позади, и холодный вечерний воздух сразу обжигает кожу. Я даже не успела застегнуть плащ, ветер распахивает полы, пробирая до костей.

У пешеходного перехода не торможу. Он нерегулируемый, машины несутся потоком, фары слепят глаза, но я упрямо топаю вперёд, едва убедившись, что не задавят. Главное — уйти подальше, чтобы Вадим меня не нашёл.

— Долбанашка, смотри по сторонам, переедут тебя! — орёт из окна несдержанный водитель, которому пришлось экстренно затормозить.

Даже голову не поворачиваю. Пусть орёт. Я просто иду, цепляясь за мысль: только бы подальше.

Потом иду дворами. Узкие проходы, тёмные арки, влажные пятна света под фонарями. Петляю, не задумываясь, куда. Вода под ногами хлюпает, ботинки становятся мокрыми. В какой-то момент понимаю, что места уже совсем незнакомые. Притормаживаю, осматриваюсь. Дворы чужие, дома старые, облупленные.

Сажусь на холодную железную лавочку. Не могу восстановить дыхание. Сил нет даже плакать. Просто задираю голову вверх, смотрю на проплывающие тёмные облака в свете фонарей. Ветер гоняет их, как мои мысли. Жду, когда отпустит.

— Девушка, вам плохо? — интересуется сердобольная бабушка.

— Нет, всё в порядке. Спасибо, что спросили, — выдавливаю улыбку.

Она недоверчиво осматривает меня, но уходит. Физически я в норме, чего не скажешь о моральном состоянии. Надя была права всё это время. Я не хотела её слушать. Дура и есть.

Только как вот так взять и перестать надеяться на лучшее? Наверное, надо совсем разочароваться в мире и людях. У меня ведь хорошая семья, где я всегда находила поддержку. Можно сказать, что росла в тепличных условиях, такое не каждому ребёнку удаётся. Поэтому у меня никогда не было сомнений в себе, проблем с самооценкой и с доверием к людям.

Оказывается, это тоже может стать проблемой. «Доверяй, но проверяй» — говорили. А я верила слепо.

Всхлипываю, всё-таки не справившись с эмоциями. Сижу, смотрю в одну точку и не обращаю внимания на текущие по щекам слёзы. Только когда ноги замерзают и холод пробирается сквозь пальто, понимаю: дальше сидеть может быть чревато последствиями. В первом триместре нельзя болеть.

Поднимаюсь с лавки, обхожу ближайший дом по кругу в поисках адреса. Улица Павлова. Я знаю, где это. Теперь осталось дозвониться до Нади.

— Ну что, пропажа, ты где? — отзывается подруга, голос напряжённый.

— Вадим искал меня?

— Конечно. Всех на уши поднял, думал, ты в больнице.

— Я сбежала, Надь. Можно я воспользуюсь твоей помощью? — голос дрожит.

— Спрашиваешь ещё. Нужно, — фыркает моя спасительница.

— Только я боюсь к тебе приезжать. Воронцов же знает, куда я могу податься.

— Давай подумаем. Я хотела отправить тебя к бабушке, за город. Поедешь? Туда Вадим точно не сунется, он будет тебя искать у родни или у меня, максимум у кого-то из персонала клиники. Так далеко он не заглянет.

— Х-хорошо. А твоя бабушка не будет против? — мне совсем не хочется кого-то стеснять. Тем более чужого человека.

— Она будет только рада, готовься слушать невероятные истории из жизни, — хохочет Надя, а потом становится серьёзной. — Так. Давай я сейчас соберусь быстренько и подъеду. Посмотри по карте ближайшее кафе, погрейся там. Скоро буду.

Оказывается, ничего ближе бургерной тут нет. Сто лет не ела ничего такого. Старалась придерживаться правильного питания. И Вадима приучила. Но сегодня такой день, когда можно всё. Заказываю себе бургер, который обещают приготовить за десять минут, и колу. Скидываю Наде адрес.

Посетителей тут немного: у окна сидит влюблённая парочка, лениво ковыряющая картошку фри, ближе к кассе подросток с наушниками, уткнувшийся в телефон. Я выбираю столик в самом углу, где свет падает мягко, а тени создают ощущение укрытия. За окнами уже совсем темно, и фонари размыто отражаются в стекле. Полумрак в зале действует успокаивающе, будто я действительно скрылась от всего мира. Сюда Вадиму в голову не придёт заглянуть, это же спонсоры повышенного холестерина, инфарктов и инсультов.

Когда приносят мой бургер, мне кажется, что это пища богов. Тёплый запах свежей булочки, поджаренной котлеты, расплавленного сыра и маринованных огурчиков накрывает с головой. Слюна течёт непроизвольно. Первый укус, и я словно возвращаюсь в детство, когда еда была простой радостью. Я такая голодная, оказывается, что уплетаю бургер и картошку за считанные минуты, даже не заметив, как кола приятно обжигает горло пузырьками.

Откинувшись на спинку, глажу живот. Он ещё совсем плоский и останется таким долго, но мне нравится думать, что так я становлюсь ближе с моим ребёнком.

— Фух, мать, я тебя еле разглядела, — чмокает в щёку Надя. — Поедем сразу или я тоже перекушу?

— Я подожду тебя, если ты голодная. Нам сколько примерно ехать?

— Мне, пожалуйста, то же самое, что было у девушки, — сообщает Надя официанту и поворачивается ко мне. — Где-то часа два. Если будут пробки, то и все три.

— Блин. Ты успеешь вернуться завтра на работу?

— Встану пораньше, не впервой.

Я наблюдаю, как она с аппетитом уплетает бургер. Удивительно, как легко с ней становится дышать, будто вся тяжесть последних часов делится пополам. Мы смеёмся над какой-то ерундой, спорим, кто будет оплачивать счёт, и, конечно же, я проигрываю.

На улице встречает резкий холод и запах бензина. Порыв ветра подхватывает волосы, и я поёживаюсь, сильнее запахиаясь в пальто. Вечер тихий, непривычно спокойный. Стоит нам только подойти к авто, как машина напротив вдруг включает дальний свет и ослепляет нас.

Я рефлекторно закрываю глаза рукой. В голове вспыхивает одна мысль — «Он нашёл меня».

— Надь?..

— Давай быстро в машину, — резко говорит она, толкая меня к двери.

Её решительность немного успокаивает, но пальцы дрожат так, что я едва справляюсь с замком. Свет всё ещё бьёт в лицо, и я чувствую себя уязвимо.

Мои хорошие,

Хочу познакомить вас с новинкой литмоба "Красная нить судьбы"

Ася Петрова "После развода. Ты мне нужна"

<https://litnet.com/shrt/AeFT>

Глава 11 Карина

Сию в машине, сотрясаясь крупной дрожью. Вижу только силуэты Нади и Вадима, они стоят в свете фар, словно две фигуры на ринге. Она что-то эмоционально ему высказывает, размахивая руками так, что её пальцы едва не касаются его плеч. Вадим стоит неподвижно, лишь чуть склоняет голову вперёд, как зверь, готовый прыгнуть. Я знаю: ему ничего не стоит просто сдвинуть её в сторону, рывком открыть дверь и вытащить меня наружу.

Но он этого не делает. И это ещё страшнее. Внутри нарастает липкое ощущение, что его сдерживает не жалость, а расчет. Представляю, насколько он сейчас зол. Настолько, что воздух между ними словно искрит.

Не хочу даже разговаривать с ним. Я свой выбор сделала. Если он его не поддерживает, значит, он автоматически против меня. А мне нужны рядом только те, кто на моей стороне, кто поможет выдержать это.

Уже сейчас понимаю: спокойной моя беременность не будет. Но в моих силах хотя бы оградить себя физически от человека, который угрожает моему ментальному здоровью.

В какой-то момент Надя резко разворачивается, садится за руль и с силой хлопает дверью. Ключ в замке зажигания щёлкает громко. Двигатель гулко рычит, и она давит на газ.

— Ты что! — вскрикиваю, испугавшись резкого толчка, и закрываю лицо руками.

— Спокойно, жив твой Воронцов, — огрызается она. — Что ему будет, гаду такому. Отскочил в сторону.

Я оглядываюсь через заднее стекло и ловлю его взгляд. Бешеный. Прожигающий насквозь. Словно обещание — это ещё не конец. От этого взгляда мороз бежит по коже. Боже, я как будто в Санта-Барбаре. Со стороны, наверное, захватывающе наблюдать, почти сериал. Но в жизни переживать такое я бы не пожелала никому.

Когда его силуэт исчезает за поворотом, мышцы всё равно не отпускает. Сию, держа спину прямо, будто прут заглотила. Ни прижаться к сиденью, ни расслабиться не могу. Всё тело как камень.

— Карин, всё, он за нами не поедет, — уверенно говорит Надя, бросая быстрый взгляд на дорогу, потом на меня. — Я тебе обещаю. Давай, успокаивайся, ладно?

— Что ты ему сказала? — мой голос хриплый, сухой.

— Пообещала вызвать полицию, если он не оставит тебя в покое.

— Ну да, напугала, — горько усмехаюсь. — Что бы они сделали? Он и пальцем меня не тронул.

— Нашла бы что сказать. Какая разница? Главное, чтобы приехали. Соврала, что с ножом на нас нападает.

— За такое штрафуют. Это же ложный вызов.

— Вот ты, Рин, правильная, когда не надо, — раздражённо фыркает она. — Нам надо было уехать оттуда любой ценой. И ещё так, чтобы он тебя не заставил выйти из машины. Вот я и импровизировала. А что именно лягнула, уже неважно. Главное, подействовало.

Меня аж подташнивает от того, что Надя назвала сокращение, которым меня постоянно звал Воронцов. Когда-то я млела от этой близости, от того, что у нас есть тайное слово для двоих. Никто другой меня так не называл. Но теперь это будто пятно, которое не отстирать, ассоциации стали горькими.

Надя уверенно ведёт машину по проспекту. Городские огни мелькают за стеклом. Она даже не сверяется с картой, видно, дорогу знает отлично. Я не хочу болтать, отвечаю на её редкие вопросы односложно. Постепенно тепло салона пропитывает одежду, размораживая замёрзшие мышцы. Дыхание становится ровнее. Я откидываюсь на спинку кресла, и веки тяжелеют.

Через полчаса меня клонит в сон, и город за окном превращается в размытые пятна света. Голова сама падает набок, и я проваливаюсь в тёмное забытие.

Когда кто-то трогает меня за плечо, я дёргаюсь всем телом и испуганно вскидываюсь.

— Спокойно, мать, это я, — усмехается Надя. — Ты уснула, и я не стала будить. Приехали.

Я осматриваюсь. Впереди кованые ворота, за которыми скрывается аккуратная дорожка к дому. На подоконниках стоят цветочные горшки, видно, что за всем ухаживают с любовью. Даже воздух тут другой, свежий, с запахом хвои и чего-то печёного, словно в доме всегда тепло и уютно. Мы медленно проезжаем вперёд. Территория большая: клумбы, аккуратный огород, дровяник сбоку. Всё так ухожено, будто каждый кустик стоит на своём месте.

Когда выходим из машины, из дома выходит Надина бабушка. Широкая улыбка, в руках полотенце, словно только что из кухни. Она сразу обнимает Надю, прижимая к себе крепко.

— Ну хоть заглянула ко мне, засранка. Вы, городские, совсем забываете, как на природе хорошо.

Надя смеётся, пряча лицо у неё на плече.

— Бабуль, это Карина, я о ней тебе рассказывала. Она поживёт у тебя, хорошо?

— Конечно! Здравствуй, внучка, — бабушка неожиданно для меня обнимает и меня, так, что у меня перехватывает дыхание. — Меня зовут Зоя Васильевна, но можешь называть меня бабушка.

Она выглядит удивительно молодо для своих лет: румяные щёки, прямой взгляд, лёгкая походка. И сразу чувствуется сила характера. Я бы ни за что не сказала, что ей уже семьдесят.

Мы проходим в дом. Внутри пахнет свежим хлебом, мятой и деревом. Половицы поскрипывают, но не раздражающе, а уютно, по-домашнему. На стенах — фотографии семьи, в углу — старинный шкаф, накрытый вязаной салфеткой.

— Девочки, чаю хотите? — спрашивает Зоя Васильевна, уже направляясь к плите.

— Давай. Твой с травками сделаешь? — оживляется Надя.

— Конечно.

— Ой, а его беременным можно? — спохватывается подруга, взглянув на меня.

— Там ничего такого нет, можно. Я зверобой не добавляю, — отвечает бабушка с лёгкой усмешкой, будто уже десятки раз слышала подобный вопрос.

Через пару минут на столе появляются вазочки с печеньем, конфетами, мёдом, горячие чашки с чаем. Мы устраиваемся за круглым деревянным столом, и я чувствую себя так уютно, словно вернулась в детство.

Моих бабушек и дедушек уже нет в живых, и вдруг я понимаю, как сильно мне не хватало вот такого простого внимания, заботы, тепла.

— Я вам не буду мешать? — спрашиваю я неуверенно.

— Что ты, — машет рукой Зоя Васильевна. — Что мне тут делать осенью? Огороды закончились, дачники поуждали. Будет для кого суетиться на кухне да с кем поговорить. Плохо разве?

— Всё равно как-то неудобно...

— Ой, отстань-ка хоть, — бабушка ставит чашку так решительно, что чай чуть не выплёскивается. — Если бы было неудобно, я бы так Наде и сказала. За словом в карман не лезу. Так что давай заканчивай с этим.

— Постараюсь, — улыбаюсь, наблюдая за её живой жестикуляцией. — А уехать отсюда обратно на чём можно?

— Куда это ты собралась? — прищуривается она. — Только приехала.

— Мало ли... Я на всякий случай интересуюсь.

— На двух электричках надо ехать. Часов пять в одну сторону. Уж лучше Надю если что позвать, довезёт тебя. Да ты погоди, сейчас освоишься, уезжать не захочешь. У нас воздух такой, не чета вашему городскому. Спокойно тут, тихо.

— На жизнь деньги нужны будут, долго я не смогу тут оставаться.

— Я с тебя ни копейки не возьму, даже не думай, — бабушка качает головой и мягко касается моей руки. — Сама когда беременная была, мне женщина одна помогала. Теперь я тебе помогаю. И ты потом кому-то поможешь. Так и расплатишься со мной.

Я так растрогалась, что украдкой вытираю слёзы. От чужих людей не ожидаешь такого доброго к себе отношения, и от этого внутри становится теплее.

Вечером мы раскладываем постели. Дом наполнен тихими звуками, потрескивание печки, где-то за стеной скрипнула дверь, на улице слышно, как стучит дождь по крыше. Я засыпаю быстрее, чем ожидала.

Рано утром Надя уезжает, и мы с Зоей Васильевной остаёмся вдвоём. Я проверяю телефон, но связи нет.

— У нас тут проблема с этим, — спокойно говорит бабушка. — Надо если позвонить, так идти до переезда надо или ещё дальше, под провода. Зато хорошо, муж твой точно не дозвонится.

— Я всё же схожу после завтрака, — решаю я. — Надо предупредить в клинике, что меня не будет.

Глава 12 Карина

Позавтракав вкусной манной кашей без единого комочка, которую Зоя Васильевна подала с вишнёвым вареньем и кружкой свежего молока, я выхожу из дома. Сейчас, при свете дня, он кажется мне ещё более красивым. Невысокий, но крепкий. Не обшит модным сейчас сайдингом, а сохранил свою деревянную обшивку, выкрашенную в яркую зелёную краску. На солнце она чуть выгорела, но от этого дом кажется ещё теплее и живее. На окнах белые резные наличники с узорами, похожими на снежинки. На подоконниках — герань и фиалки в керамических горшках.

Едва я ступаю на крыльцо, под ноги бросаются несколько курочек, возмущённо кудахтая. Пернатые скачут так решительно, что я невольно отшатываюсь в сторону, прижимая ладони к животу.

— У меня для вас ничего нет, — растерянно сообщаю я.

— Ко-ко-ко? — будто с упрёком отвечает самая бойкая.

— Совсем ничего, — оправдываюсь я, чувствуя себя виноватой перед птицами.

— Они кормленные, не бойся, не клонут, — выглядывает из окна Зоя Васильевна и машет рукой. На её лице улыбка: очевидно, ей забавно наблюдать, как я пугаюсь.

Сторонясь явно заинтересовавшихся мной несушек, я выхожу за ворота и иду вперёд. Воздух прозрачный, свежий, пахнет влажной землёй и дымком из соседних труб. По утоптанной дорожке идти легко, под ногами похрустывает прошлогодняя трава. Согласно инструкциям бабушки, заблудиться здесь невозможно. В самом крайнем случае я либо выйду к реке и развернусь, либо обойду посёлок вокруг. Других дорог тут нет.

Минут десять иду, поглядывая по сторонам. Большинство домов и правда стоят пустыми: ставни закрыты, калитки заперты. Видно, хозяева уехали до весны. Но вдруг в одном дворе замечаю старушку в тёплой кофте поверх халата. Она аккуратно раскладывает яблоки в деревянном ящике.

— Здравствуйте! — здороваюсь первой.

— Здравствуй, здравствуй. Городская? Чья будешь? Не узнаю что-то, — прищуривается она подслеповато, прикрывая ладонью глаза от солнца.

— Я в гостях у Зои Васильевны.

— А, у Зойки. Ясно. Надолго?

— Пока не знаю, — уклончиво улыбаюсь.

Она ещё несколько секунд рассматривает меня, словно пытается понять, кто я такая и зачем приехала. Странно слышать такие расспросы. В городе никому и дела нет, где ты и что ты, а тут в первый же день вычислили, что я нездешняя. Хотя, конечно, долго гадать не пришлось, уж слишком выделяется моё городское пальто и сапоги.

И тут меня будто током бьёт: я же толком и не взяла вещей! Всё осталось там, у Вадима. У меня нет ни сменной одежды, ни элементарных удобных вещей. Надо будет спросить у бабушки или у Нади, где тут можно хотя бы по минимуму закупиться.

До железнодорожного переезда дохожу как раз в момент, когда вдали слышится гул, и рельсы начинают дрожать. Сигнал тревожно звенит, опускается шлагбаум. Я останавливаюсь у деревянного забора, наблюдаю, как мимо медленно останавливается длинный состав. Дачники с большими сумками, торопливо шагая по тропинке, расходятся кто куда. Их лица усталые, но довольные: видно, что возвращаются с покупками и запасами.

Я проверяю телефон и радостно вздыхаю: наконец-то появляется сигнал, две полоски связи. Сердце сразу учащённо бьётся. Набираю номер регистратуры.

— Администратор Елена, клиника “Альфа-мед”, слушаю.

— Лен, привет, это Карина.

— Ой! Кариночка Витальевна, у нас тут такое...

— Тихо ты, не голоси, — шепчу, озираясь, будто кто-то может услышать. — Никто не должен знать, что я звонила. Точнее, скажи, что я... ну, передала через кого-то. Меня не будет в ближайшее время.

— Так ведь Вадим Александрович тут такой шум поднял, когда вы прямо с приёма ушли. И сейчас все боятся к нему подходить. На Надежду Юрьевну вообще так кричал, думали, уволит её.

Блин, наверняка он тряс её по поводу того, куда она меня увезла. Надеюсь, Надя — крепень.

— Лен, спокойно. Поорёт и успокоится. Куда денется, — стараюсь говорить уверенно.

— А почему он не знает, где вы? — осторожно спрашивает она.

Я понимаю её любопытство, но у нас с ней не настолько близкое знакомство, чтобы я делилась своими проблемами.

— Так надо. Ты меня поняла? Скажи, что я уехала надолго. Приёмы отменить нужно.

— Да-да, поняла. Передам всё.

Я сбрасываю звонок, пока болтушка Лена не начала задавать ещё больше вопросов. И так уже хватит обсуждений на целый день.

Возвращаюсь в дом. Внутри пахнет тушёной капустой и печёным хлебом. Зоя Васильевна что-то напевает, помешивая в кастрюле. Я подхватываю веник и подметаю пол, хоть она и ворчит, что мне надо отдыхать. Но я не могу просто сидеть. Лежать целыми днями — значит слушать тишину и свои мысли. А они такие навязчивые, такие тёмные... Нет, лучше уж руки занять.

К переезду хожу ещё несколько раз, проверяю телефон, в надежде услышать Надин голос. Но она почему-то не отвечает. Каждый раз сердце болезненно сжимается, когда в трубке слышу только длинные гудки. Я начинаю грызть ногти от беспокойства.

Она выходит на связь только через несколько дней. К этому моменту у меня уже подступает паника: в голове мелькают десятки худших сценариев.

— Что там Вадим? Терроризирует тебя? Ты почему не звонила? — принимаю видеозвонок.

— Прости, закрутилась. То одно, то другое. Ты же знаешь, тебе не позвонишь в любой момент.

— Это да, — киваю я. — И плюс, и одновременно недостаток.

— Вадим злой как собака. Грозился меня уволить. И тебя, кстати, тоже.

— Так он не может меня уволить, я же беременная.

— Вообще да. Но ты ведь в отдел кадров документы не относила?

— Не успела, — Надя морщится и отмахивается, будто это мелочь.

— Ой... он со злости, конечно, может. Но ты не бойся, я к нему схожу.

— Не надо, Надь. Он ведь и так спрашивал, куда я делась?

— А то! Еле отбрехала, — закатывает глаза подруга. — Сказала, что на автовокзал тебя отвезла.

— Он поверил?

— Вроде. Но я не уверена, — она пожимает плечами.

— Надь, если он вдруг будет тебе угрожать, мало ли...

— Ой, да что он может сделать? — она дерзко вскидывает подбородок.

— Уволит.

— Пойду в другую больницу. Хороших эндокринологов мало, — отвечает она с той самой уверенностью, которая иногда кажется мне почти безрассудной.

— И всё же, не геройствуй. Звони, я приеду. На то, чтобы найти новое место, нужно время, а у тебя мама с её дорогими лекарствами. Ты у меня, конечно, боевая, но не стоит рисковать.

Надя хмыкает. И я уже не понимаю, то ли она действительно готова стоять насмерть, то ли Вадиму быстро надоедает её допросами изводить. В любом случае на две недели наступает тишина.

Я за это время обзавожусь необходимой одеждой и обувью: покупаю удобные кроссовки, пару длинных футболок, штаны на резинке. Много не беру, да и куда тут прихорашиваться? Главное, чтобы было комфортно. Каждый день превращается в спокойный и размеренный: сон, длинные прогулки, редкие звонки Наде, частые мысли о будущем.

Жизнь течёт тихо, и я понемногу начинаю привыкать к этому новому распорядку. Но в один из дней, когда в очередной раз выхожу с телефоном на связь, раздаётся звонок. На экране высвечивается незнакомый номер.

— Карина? Это Алексей, — раздаётся в трубке мужской голос. Он звучит вежливо. — Извините, что беспокою... У вас есть время поговорить со мной?

Глава 13 Карина

Странно, что Алексей звонит именно сейчас, спустя столько времени. И ещё страннее, что он каким-то образом раздобыл мой номер. Я ведь не оставляла его.

По его поведению в прошлую встречу было ясно: он не из тех, кто бросает слова на ветер. Скорее наоборот — человек, который привык добиваться своего, спокойно, методично, без суеты. Но тогда почему он ждал так долго?

Я делаю пару шагов в сторону, поднимаясь выше по пригорку, здесь сигнал ловит чуть лучше.

— У меня сейчас не очень хорошо ловит связь, но я вас слушаю.

— Тогда я бы предпочёл, чтобы мы встретились лично. Вы сможете подъехать?

— Простите, но я пока не понимаю, ради чего. Сама по себе встреча с вами слишком слабый аргумент.

— Я понимаю, да. — На том конце лёгкая пауза, будто он подбирает слова. — Но это скорее деловое предложение, которое должно вас заинтересовать, Карина. Насколько я знаю, вы сейчас находитесь в затруднительном положении.

Меня бросает в холод.

— Откуда у вас эта информация? — спрашиваю тихо, чувствуя, как внутри поднимается тревога.

— Слухи расходятся быстро, тем более в медицинской среде.

— Разве вы имеете к ней отношение? — пальцы сжимают телефон так, что костяшки белеют.

— Опосредованное, да. — Его голос всё так же выдержан, будто он привык работать с настороженными людьми. — Я хочу предложить вам работу. Если вам интересно, буду ждать вас послезавтра в три часа дня. Адрес скину в смс.

Прежде чем я успеваю что-то ответить, звонок прерывается. На экране появляется короткое уведомление с адресом. Ощущаю полную растерянность. Что это было вообще?

Алексей, по сути, чужой человек. Мы виделись пару раз, и я едва запомнила его лицо. Но он явно знает обо мне слишком многое. Это настораживает. И всё же любопытство пульсирует где-то под ложечкой. Встреча ни к чему не обязывает, а если действительно речь о работе, может, это шанс?

Возвращаюсь в дом. Зоя Васильевна сидит на диване с вязаньем, но, увидев моё выражение лица, сразу откладывает клубки.

— Что, опять этот твой Вадим звонил?

— Нет, — качаю головой. — Алексей, пациент. Предложил встретиться, говорит, хочет предложить работу.

— Работа? — она поджимает губы. — А что за работа?

— Не сказал. Всё объяснит лично.

— Как думаешь, стоит ехать?

— Не знаю. — Я опускаюсь рядом, сцепив руки. — С одной стороны, интересно. С другой, подозрительно.

— Не боишься встретить там своего мужа? Срок-то у тебя ещё не прошёл, — мягко напоминает она.

Она права. Сейчас всего девятая неделя. По-хорошему, нужно ещё минимум три выждать, прежде чем можно будет возвращаться.

— Но возвращаться работать в клинику тоже не выход. Вадим вряд ли даст мне спокойно дышать, особенно после того, как я пошла против него в таком вопросе.

— Ты ведь даже не знаешь, куда тебя зовут, — качает она головой.

— Могу отказаться, если не понравится. Просто узнаю, что за вариант.

— Поступай как знаешь, Карин. Тебе виднее, — вздыхает она и берёт меня за руку. — Конечно, я переживаю. Ты ведь хочешь вернуться одним днём?

— Думала да, — отвечаю. — Не хочу оставаться в городе. Вдруг Вадим узнает, что я приехала.

Она кивает, потом медленно встаёт, идёт к иконам в углу. Наливает в ладонь немного святой воды и мягко прикасается ко лбу.

— Бог в помощь, — шепчет она. — И всё же будь осторожна. Если что — сразу Наде звони.

Как и договорились, в день встречи я собираюсь заранее. Зоя Васильевна умыла меня святой водой, перекрестила, сунула в карман иконку Николая Чудотворца. На прощание обняла крепко.

— Звони, если что. Обязательно, слышишь?

— Обещаю, — улыбаюсь, хотя на душе тревожно.

Добираюсь до кафе без приключений. Оно оказывается уютным, с большими окнами и симпатичным оформлением. Воздух наполнен запахом свежесжаренного кофе, ванили и чуть заметным ароматом дорогих духов, видимо, кто-то из посетительниц не пожалел целого флакона.

Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, пришёл ли Алексей. Вижу несколько столиков, где люди обедают. Ни одно лицо не кажется знакомым.

— Здравствуйте! У вас забронировано? — улыбается администратор, девушка в строгой чёрной форме с белоснежным фартуком.

— Да, на фамилию Филимонов.

— Секунду... — она сверяется со списком. — Давайте я вас провожу.

Мы идём мимо столиков куда-то вглубь зала, где чуть тише играет музыка и свет становится мягче, приглушённое. На полированных столах отражаются огоньки свечей, а за окнами город будто растворяется в лёгкой дымке.

— Карина, здравствуйте, — Алексей поднимается навстречу. Его голос узнаётся сразу — уверенный, низкий. Он целует мне руку и жестом приглашает присесть. — Прекрасно выглядите.

Я стараюсь не показать смущения.

— Спасибо. Мы сразу перейдём к делу?

— Конечно, — он кивает. — Можем обсудить сначала дела, а потом сделать заказ.

— Да, давайте так и поступим. — Я достаю блокнот, хотя прекрасно понимаю, что писать ничего не собираюсь, просто хочется чем-то занять руки. — Честно говоря, в первую нашу встречу я и не подумала, что вы тоже врач.

— О, нет, — улыбается он, откинувшись на спинку кресла. — Я не врач. Я юрист.

— Тогда не совсем понимаю... — Я стараюсь не торопиться с выводами, но внутри всё равно включается настороженность.

— Сейчас я работаю в штате “Балтмед”, — произносит он спокойно, как будто говорит о чём-то совершенно обыденном.

Я непроизвольно приподнимаю брови. Ого. Вот это неожиданно.

Балтмед — давние наши конкуренты. Не просто соперники, а почти враги. Вадим не раз называл их “хищниками”, которые переманивают врачей всеми возможными способами, и не всегда честными. Любой, кто уходил туда, для него переставал существовать. “Обратной дороги не будет”, — любил повторять он. Может, не совсем справедливо, но я его понимала.

— Почему тогда вы не обратились за помощью к своим врачам? — спрашиваю осторожно, вглядываясь в него.

— Я живу недалеко от вашей клиники, — спокойно отвечает он. — В моём тогдашнем состоянии ехать далеко было неразумно.

— Если вы были за рулём, то да, — киваю.

— Именно. Я водитель со стажем. Не признаю общественный транспорт и такси. — Он говорит это с лёгкой усмешкой, будто оправдывая собственную педантичность.

— Но ведь вы не работаете в отделе кадров и не принимаете людей на работу. Юрист — это несколько иная сфера деятельности.

— Понимаю вашу подозрительность, — Алексей чуть склоняет голову, не теряя спокойствия. — Изначально я действительно не собирался вам ничего предлагать. Вы всего лишь заинтересовали меня — как прекрасный врач, но прежде всего как красивая женщина.

Он делает паузу, чуть приподнимает чашку, но кофе так и не пьёт — просто смотрит поверх ободка.

— Обычно я не навязываю своё знакомство, но сейчас ситуация изменилась.

— И всё же... — я оставляю фразу незаконченной, но в ней достаточно смысла.

— До руководства дошли определённые слухи, — говорит он, — а я упомянул, что знаком с вами.

— Вы же понимаете, — произношу тихо, — что ставите меня в крайне неловкую ситуацию.

— Всего лишь предложил подумать. — Он улыбается едва заметно. — Даже если это предложение вас заинтересует, вам стоит обсудить условия с руководством лично.

— Сколько у меня времени?

— Допустим, неделя, максимум две.

— Хорошо, я сообщу о своём решении, — отвечаю после короткой паузы.

— Карина, — он чуть наклоняется вперёд, и в голосе звучит мягкая настойчивость. — Я прошу вас не сбегать сейчас. Позвольте мне хотя бы немного за вами поухаживать.

Я колеблюсь. Уйти сейчас разумно. Но желудок предательски урчит, а голова гудит от напряжения.

— Хорошо, — киваю. — Но только немного.

Мы заказываем кофе и что-то лёгкое поесть. Алексей оказывается галантным мужчиной: отодвигает стул, наливает воду, слушает внимательно, не перебивая. И всё же, несмотря на внешнее спокойствие, внутри у меня растёт ощущение, будто я стою на тонком льду.

Разговор течёт плавно, он умело поддерживает беседу, иногда даже заставляет меня улыбнуться. Но за всем этим чувствуется что-то неуловимое. Подвох, которого я пока не могу объяснить.

И чем дольше я сижу напротив него, тем сильнее понимаю: если конкурентам Воронцова уже известно обо мне и о моём уходе, значит, кто-то слишком внимательно следит за каждым моим шагом.

Глава 14 Карина

Принимать решение сгоряча не хочется. Насолить Воронцову, заставить его скрежетать зубами — заманчивая перспектива. Эта мысль даже слегка греет изнутри. Если бы не одно «но». Мне ведь предстоит декрет, потом — бесконечные больничные, бессонные ночи. И какой из меня тогда сотрудник? Да и сам факт, перейти в «Балтмед», к нашим конкурентам, — это словно нарочно подлить масла в огонь. Уверена, Вадим воспримет это как личное оскорбление.

Хотя странно, что я всё ещё думаю о нём и о том, как он воспримет мои решения. Сколько можно? Пора вычеркнуть из головы «мы» — это давно уже мёртвое слово. Теперь только «я». Мой комфорт, мои потребности, мои чувства. Здоровый эгоизм ещё никому не повредил. Я заслужила право ставить себя на первое место.

Если рассматривать всё с этой точки зрения, работать в «Балтмеде» даже логичнее. Спокойнее. Не нужно каждый день видеть Вадима, чувствовать на себе его ледяные взгляды, ловить на лице ту едва заметную тень раздражения, которая появляется, когда я прохожу мимо. Нет, с меня хватит.

Но я всё равно не спешу отвечать Алексею. Не потому что сомневаюсь, просто не хочу, чтобы это выглядело как поспешный шаг. Я тяну до последнего, пока почти не истекает срок, отведённый им на раздумья. За это время успеваю обсудить всё и с Надей, и с Зоей Васильевной по нескольку раз.

Обе меня понимают, хотя каждая по-своему. Надя — с деловой практичностью, Зоя Васильевна — с житейской мудростью. И обе говорят одно: «Попробуй. Ты ведь ничего не теряешь.»

Когда остаются считанные дни, беру телефон и всё-таки звоню.

— Алексей, извините за долгие раздумья, — начинаю я. — Я согласна поговорить с вашим руководством.

— Понимаю, — отвечает он спокойно. — Решение наверняка далось непросто. Тогда я назначу вам встречу с Шапиным в ближайшие дни. Будьте готовы подъехать.

Чувствую себя как на иголках. У меня всегда так перед важными решениями. Даже когда Вадим сделал мне предложение, я сомневалась. Не потому что не любила, чего-чего, а чувств к нему во мне было с лихвой. Но были и спорные моменты. Разница в возрасте, разница в статусе, разница в взглядах. Тогда я решила, что любовь всё сгладит. Как же я ошибалась.

Но какое это теперь имеет значение? Никакого. Надо просто сделать шаг. Один, уверенный, без оглядки.

В назначенный день возвращаюсь в город. Я приезжаю заранее, с запасом. Не люблю опаздывать. А ещё хуже — приходить впритык и чувствовать на себе взгляд человека, который уже ждёт. Лучше пусть подожду я. Чтобы отвлечься, решаю перекусить.

Здание «Балтмеда» расположено в огромном комплексе бизнес-центров, где всё блестит стеклом и металлом. Рядом ряд кафе, кофеен, сэндвичных. Я выбираю одну из них: тихую, с мягким светом и приглушённой музыкой. Беру сэндвич с лососем, творожным сыром и рукколой.

Он оказывается неожиданно вкусным, свежий хлеб похрустывает, сыр нежно растекается по языку. «Голодная я — злая я», — вспоминаю я и усмехаюсь про себя. Сейчас нужно быть доброй Кариной. Спокойной, уверенной, собранной.

На рецепшине «Балтмеда» меня уже ждут.

— Карина Витальевна? — уточняет молодая, безупречно одетая администратор. Её ногти блестят лаком цвета шампанского, а улыбка отточена, как у стюардессы. — Давайте я вас провожу.

Мы идём по коридору, где всё вылизано до блеска. Белые стены, зеркальные двери, мягкий запах антисептика. Даже воздух здесь будто фильтруют от всего лишнего. На ходу я ловлю себя на мысли, что всё это очень напоминает нашу клинику... только богаче, строже, холоднее.

Администратор открывает дверь в кабинет и чуть отступает.

— Проходите, вас уже ждут.

Внутри — просторный кабинет, светлый, с большим панорамным окном. На столе идеально ровно разложены бумаги, ноутбук, пара аккуратных папок. За столом — мужчина лет сорока, подтянутый, уверенный, с пронзительным взглядом.

Шапин Денис Юрьевич. Я узнаю его сразу — одноклассник Вадима. Когда-то они вместе проходили ординатуру, потом пошли разными дорогами.

Он встаёт, улыбаясь широко, будто встречает старого друга:

— Карина Витальевна, рад видеть. Вы заставили меня понервничать, — голос у Шапина бархатистый, с легкими интонациями человека, привыкшего очаровывать собеседников. Он поднимается из-за массивного стола. В воздухе пахнет терпким ароматом элитных зерен, перемешанным с тонкими нотами полироли.

Он улыбается по-настоящему широко, будто рад увидеть не просто потенциального сотрудника, а старого доброго друга.

— Неужели? — отвечаю я, стараясь держать нейтральный тон. — Думала, у вас большой штат и достаточно врачей.

— Врачей много, — с мягкой усмешкой качает он головой. — А вот таких бриллиантов, как вы, нет.

Я усмехаюсь, чуть приподнимая бровь.

— Грубая лесть, Денис Юрьевич.

— Нисколько, — отмахивается он с видом человека, который просто констатирует факт. — Я видел записи ваших операций. Вы работаете точно, аккуратно. Это искусство. А мне как раз нужен отличный хирург-офтальмолог, не просто исполнитель, а мастер.

— Я должна вас предупредить... — начинаю, но он перебивает с лёгкой улыбкой:

— О беременности? Это не секрет. Но, — он чуть наклоняется вперёд, сцепив пальцы, — я не вижу в этом ничего страшного. У нас работают и молодые матери, и женщины с маленькими детьми. Поверьте, мы умеем создавать комфортные условия. А с той зарплатой, что я готов вам предложить, вы сможете позволить себе отличную няню, когда придёт время возвращаться.

Я не сразу отвечаю, в голове мелькает мысль: «С какой стати такая щедрость?»

— Боюсь даже спрашивать, сколько, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал иронично, хотя внутри всё сжалось от любопытства.

Когда он называет сумму, я невольно поднимаю взгляд. Она ощутимо выше, чем то, что я получаю в «Альфа-Меде». В полтора раза.

— Денис Юрьевич, — наконец произношу, подбирая слова, — это ведь не средняя зарплата у вас в клинике.

— Так и есть, — спокойно кивает он. — Но вы для нас слишком ценны, чтобы торговаться.

Всё бы ничего, но его взгляд — слишком внимательный.

— Скажите прямо, — решаюсь, — всё потому, что вы хотите переманить меня из клиники мужа?

— Не слишком дипломатично будет обсуждать этот вопрос, вам не кажется?

— Это касается меня напрямую, — парирую я.

— А вам палец в рот не клади, — хмыкает он, не обижаясь. — Среди прочего, да, это не последняя причина. Но если бы вы были посредственным хирургом, я бы не стал тратить ни своё время, ни ваше.

Я молчу, не желая спорить. В его словах, как бы цинично ни звучало, есть логика.

— Я должна ответить вам прямо сейчас?

— Нет, — он поднимается из кресла, собирается проводить, — готов подождать до завтра. Но не затягивайте, Карина Витальевна.

Я благодарю его и выхожу из кабинета. На минуту останавливаюсь у большого окна, открытого настежь. В коридор врывается свежий ветер, с улицы доносится гул машин и запах кофе из расположенной поблизости кофейни.

Предложение действительно щедрое. Оно способно закрыть все мои текущие вопросы, дать стабильность, независимость и покой. Но слишком уж гладко всё складывается.

В этот момент до меня доносится приглушённый женский шёпот. Я оборачиваюсь, в нескольких метрах две медсестры, прислонившись к стойке, активно обсуждают что-то, при этом даже не пытаясь понизить голос.

— Лен, ты слышала? Я в шоке, как он мог скрывать такое так долго. Годами!

— Да что слышала-то, не темни. Кто что-то скрывает?

Я задерживаюсь, делая вид, что ищу в сумке телефон.

— Воронцов, это главный в “Альфа-Мед”. Я слышала, что его мать такое устроила! Её забрали на скорой.

Сердце пропускает удар. Воздух мгновенно становится плотным, будто пропитан электричеством. Пальцы невольно сжимаются в кулак.

Что значит — забрали на скорой?

Глава 15 Вадим

Знаете такое выражение — беда не приходит одна? Так вот, у меня проблемы нарастают, как снежный ком. И в какой-то момент я начинаю ощущать, будто стою под лавиной, которая вот-вот сойдёт, и мне уже некуда бежать. В какие-то минуты мне даже кажется, что я не контролирую вообще ничего.

А для меня контроль — это не просто привычка, это способ выжить. Я слишком рано понял, насколько жизнь может быть хрупкой, непредсказуемой. С тех пор держу всё под контролем: здоровье, рацион, сон, работу, даже собственные эмоции. Каждое утро начинаю с пробежки, потом холодный душ, витамин D, B12, рыбий жир — как по часам. Вечером — спортзал, чтобы выгнать из головы всё, что не даёт покоя. Настоящий контрол-фрик, если называть вещи своими именами.

Со с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.